

Миря
Бачурова

ПОЛИНОС ДОБРОТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Заложники солнца

Мила Бачурова
Полюс Доброты

«Автор»

2019

Бачурова М.

Полюс Доброты / М. Бачурова — «Автор», 2019 — (Заложники солнца)

Со времен Великой Миссии прошло восемнадцать лет. История знаменитого похода успела обрасти легендами, для молодого поколения она скорее сказка, чем быль. В поселках Цепи царят мир и благоденствие. Вот только зимой вместо привычных дождей начал идти снег. И с каждым годом лето все короче, а зимы все длиннее и холоднее. Кажется, планета снова испытывает своих детей на прочность. Снова вынуждает их к решительным шагам. А значит, предстоит новое путешествие, в этот раз – на юг. В пути героям снова придется вспомнить о том, что такое война. И кто настоящий враг человечества.*** Книга не является прямым продолжением дилогии "Заложники Солнца". Ее можно читать как отдельное произведение, но я все же рекомендую начать с дилогии - так будет проще понять мир и героев. "Заложники солнца" - первая книга, "Пароль Аврора" - вторая книга.

© Бачурова М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог.	5
Бункер	5
Глава 1.	7
Эри. Бункер	7
Глава 2.	13
Эри. Бункер	13
Глава 3.	19
Серый. Лес	19
Глава 4.	25
Эри. Лес	25
Серый	28
Глава 5.	31
Эри. Поселок адаптов	31
Рэд	34
Серый	36
Глава 6.	38
Эри. Лес	38
Серый	41
Эри	43
Глава 7	45
Серый. Приют. 25 км. от Бункера	45
Эри	47
Серый	50
Глава 8	53
Эри. Видное. 53 км. от Бункера	53
Серый	58
Глава 9	60
Эри. Барыбино. 96 км. от Бункера	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мила Бачурова

Полюс Доброты

Пролог.

Бункер

Механизм старого лифта тяжело, натужно скрипел.

«Надо сказать ремонтникам», – мелькнуло в голове у мужчины.

Мысль была машинальной, необходимо привычной. Если восемнадцать лет подряд одной из ключевых задач выживания, твоего и тех, кто тебе доверился, является бесперебойная работа всех без исключения систем, постепенно волей-неволей научишься подмечать каждую мелочь.

Усилившийся шум кондиционера. Слабый напор воды в кране. Потухшую лампу аварийного света. Горькую морщину на лбу коллеги... Люди – не механизмы, но тоже изнашиваются. И твоя задача, в числе прочих, приглядывать еще и за ними. За теми, кто тебе доверился. Ты не имеешь права отмахиваться и не обращать внимания на мелочи. Ты обязан быть самым умным, самым стойким, самым решительным. Самым уверенным в победе – даже если давным-давно в ней разуверился.

Двери лифта разошлись, мужчина шагнул вперед. В темном бетонном тамбуре загорелась тусклая лампа. Ну, хоть датчики движения исправно работают... Пока еще работают, – поправил себя мужчина. Распахнул дверь тамбура. Вспыхнувшие лампы подтвердили, что датчики работают и здесь.

Выглядело помещение уныло. Бетонная коробка – снаружи вход в Бункер строители когда-то небрежно замаскировали под котельную, – с облупившейся от времени краской на стенах. Вся обстановка – длинные деревянные лавки да металлические шкафы.

В шкафах когда-то хранились противогазы и костюмы химзащиты: во времена строительства Бункера человечество готовилось к совсем другой катастрофе. Сейчас шкафы были под завязку набиты сеном для лошадей и дровами – сложно сказать, с какой целью. Как и сложно было сказать, в какой момент место разошедшихся противогазов и слежавшихся костюмов заняли сено и дрова. Когда-то мужчина над адаптской запасливостью посмеивался. А сейчас с трудом вспоминал, для чего изначально предназначались шкафы. Сейчас казалось, что сено и дрова лежали здесь всегда – как с незапамятных времен висели на вешалках защитные комбинезоны.

Мужчина, не оглядываясь, прошел по образованному шкафами и лавками коридору к двери, в сторону выхода.

Он знал, что человек, стоящий снаружи, без приглашения не войдет – хотя тяжелая бронированная дверь открыта, сам отпер ее с пульта десять минут назад. У человека, стоящего снаружи, свои представления о хороших манерах.

Мужчина с натугой отодвинул дверь.

За дверью была ночь. В этом мире всегда – ночь. По крайней мере, для таких, как он, подземных жителей.

– Здравствуй, – поздоровался мужчина с освещенной прожектором, закутанной в плащ фигурой.

Отступил в сторону, приглашая войти.

Гость кивнул – одновременно здороваясь и благодаря за приглашение. Вошел.

– Ты задержался. – Мужчина старался, чтобы голос звучал бодро. – Я ждал тебя двумя неделями раньше.

– Дорога не становится лучше, – отозвался гость, – а я не становлюсь моложе. – Откинул капюшон плаща.

И впрямь постарел, отметил про себя мужчина. Он каждый раз почему-то ждал, что гость придет не один, приведет преемника. И каждый раз в своих ожиданиях обманывался.

– Сколько? – Гость, как обычно, долгими вступлениями не утруждался.

– Двое.

– Ты обещал троих.

– Я ничего не обещал. – Мужчина добавил в голосе металла.

Недолгая игра в гляделки, как обычно, закончилась ничьей.

– Что ж, двое так двое. Идем. – Вместо того чтобы снять плащ, гость запахнулся в него плотнее.

– Ты можешь отдохнуть, если хочешь.

– Не хочу. – Тоже привычный обоим ритуал.

Мужчина кивнул. Прошел в тамбур и надавил светящуюся кнопку лифта.

Глава 1.

Эри. Бункер

Эри брела по заснеженной дороге. До недавних пор она думала, что любит снег.

Ей нравилось наблюдать за кружащимися в свете бункерных прожекторов снежинками, нравилось погружать ладони в холодное пушистое покрывало – и выдергивать их, взвизгивая и обдавая снегом тех, кому не повезло оказаться рядом.

Это было очень весело – ведь Эри знала, что с прогулки вернется в тепло и уют. Ладони согреются быстрее, чем она вспомнит, что они замерзли, снег на шапке и воротнике пуховика растает, и единственной досадой, портящей настроение, будет ворчание Любови Леонидовны – ну как ты себя ведешь, Эри! Ты самая взрослая, семнадцать лет! Ты должна подавать пример. Еще вчера ей казалось, что на свете нет ничего более противного, чем ворчание старой воспитательницы.

Сейчас Эри пробиралась по дороге, по щиколотку утопая в снегу и гадая, как далеко сумеет уйти прежде чем замерзнет насмерть. Снег уже не казался ни красивым, ни пушистым. Единственным ориентиром служил санный след, проторенный три ночи назад адаптской повозкой – с тех пор его изрядно засыпало, едва различим в темноте. Фонарик Эри решила пока не включать, сэкономила заряд.

Три ночи назад адапты пришли в Бункер в последний раз.

– Мы вынуждены экономить ресурсы, – сказал Вадим Александрович тому, кто пришел.

Эри подслушивала, затаившись в соседней лаборатории. Наблюдательную позицию заняла заранее – знала, что Вадим Александрович приведет адапта сюда.

Мужчина хмуро кивнул. Он вообще оказался немногословным – высокий, широкоплечий, по-адаптски темнокожий, со светлыми глазами и горбатым носом. Прежде Эри никогда его не видела, но догадалась – это самый главный адапт. Тот, кого взрослые называли Рэдом. Упоминали они еще Германа и Кирилла. Но, насколько поняла Эри – а к разговорам взрослых о том, что творится наверху, в адаптском мире, стала прислушиваться не так давно – Герман обитал далеко от Бункера, во Владимире. А Кирилл пропал без вести около полугода назад.

Адапт молчал – но не для Эри. Для нее люди вообще не молчали. Они звучали, так Эри еще в раннем детстве придумала называть то, что слышала только она.

Люди звучали радостью, негодованием, страхом, сомнениями – каждый звук был непохож на другой, Эри различала все. В раннем детстве и не догадывалась, что никто, кроме нее, этих звуков не слышит, даже Елена Викторовна и Григорий Алексеевич.

Эри было лет пять, когда они вдвоем вытащили ее из мастерской, где занималась любимым делом – мешалась под ногами у Тимофея – и сказали, что с ней надо серьезно поговорить. Эри надулась от важности, пообещала Тимофею, что скоро вернется – с удивлением услышав, что старый мастер не на шутку встревожен – и пошла вслед за ними. Подумав мимоходом, что Елена Викторовна и Григорий Алексеевич какие-то странные, и ей это не нравится.

Эри на всякий случай зазвенела изо всех сил, внушая воспитателям, что она хорошая и ругаться на нее не надо. За что именно ее могли отругать, Эри не знала, но в глубине души догадывалась, что поводов достаточно.

Эри умела делать так, чтобы люди слышали, какая она чудесная девочка – ну разве можно такую ругать?.. Или как ей скучно и грустно – надо взять на ручки и пожалеть!.. И какая, вообще, ерунда – утащенные из столовой леденцы или спрятанные в спальне тапочки – Любовь Леонидовна их так забавно искала...

«Я хорошая! Я очень-очень хорошая! Меня не надо ругать!»

Сработало: Елена Викторовна тепло улыбнулась и на ходу потрепала Эри по волосам. А потом вдруг, словно одернув себя, резко выпрямилась и спрятала руку за спину.

– Вот! – словно обвинение, бросила она Григорию Алексеевичу – тот вовсе улыбался Эри. – Это именно то, о чем я говорю! Ты ведь тоже сейчас почувствовал необъяснимую симпатию?

Врач перестал улыбаться. Нахмурился. Вместо доброты, как и Елена, зазвенел напряжением.

– Хочешь сказать, что Эри это делает сознательно?

– До недавнего времени полагала, что она слишком наивна для этого. Но чем дальше, тем все более убеждаюсь: да. Совершенно сознательно.

Взрослые остановились и смотрели на Эри. Она тоже остановилась, растерянная – прием, до сих пор не дававший сбоев, вдруг перестал работать. От неожиданности Эри даже звенеть перестала.

– Надеюсь, ты понимаешь, что девочка ни в чем не виновата? – Григорий Алексеевич привлек Эри к себе, она с готовностью прижалась щекой к белому халату.

– Разумеется, – процедила Елена. – Чьим генам она обязана этой способностью, можешь не напоминать.

Григорий Алексеевич вздохнул.

– Эри, пойдешь на ручки?

Девочка с готовностью закивала, врач поднял ее и усадил к себе на шею.

– Прекрати баловать! – рассердилась Елена.

– Это не баловство. Эри напугана, не меньше, чем мы с тобой. Для того чтобы это понять, не нужно быть эмпатом... А что касается ее способностей – тот парень так не умел. Чужие эмоции он слышал – у нас было время убедиться, что Эри тоже их слышит. Но передавать свои...

– Кирилл он, тем не менее, спас, – недовольно возразила Елена. – Именно посредством передачи эмоций, если верить твоим словам.

– От своих слов я не отказываюсь. Но, видишь ли... то, что парень тогда сделал, для него было высшим пилотажем. Отняло кучу сил, он потом сутки без сознания лежал. А у Эри – пятилетней малышки! – это выходит, судя по всему, легко и непринужденно.

Елена нервно засмеялась:

– Ну, что поделаться! Новый виток спирали. Причудливая игра адаптских генов.

– Лена. – Григорий Алексеевич снова остановился. – Я понимаю, что ты ненавидишь этого парня. Но, пожалуйста, хотя бы Эри постарайся судить непредвзято.

– Я давала повод усомниться в моей непредвзятости?

– Даешь. Сейчас.

Эри, из всей беседы взрослых понимавшая лишь отдельные слова, приготовилась зареветь. Она не любила, когда взрослые ссорились, а звуки от них сейчас шли именно в этой тональности. Но тут Григорий Алексеевич остановился – перед дверью, ведущей в комнату Елены Викторовны.

В комнате Эри усадили на крутящийся стул. Еще час назад она не устояла бы перед соблазном покрутиться, а сейчас приходилось сдерживаться. Ее ведь предупредили, что будут «серьезно разговаривать».

– Эри. Маленькая моя. – Елена Викторовна села в кресло, стул подкатила к себе. – Расскажи мне, как ты это делаешь?

– Что? – не поняла Эри. Подумав, сообразила: – А, кручусь? Ну... вот так. – Спустила ногу со стула и, оттолкнувшись от пола, легонько крутанула кресло. – Надо ноги поджать – и вж-ж-ж! Но я не сильно, видите? – тут же опомнилась она. – Я ничего не ломала!

– Бог мой, я не об этом. – Елена натянуто улыбнулась. – Я о том, что ты делала в коридоре, пока мы шли сюда... Ты решила, что мы с Григорием Алексеевичем чем-то недовольны, так ведь?

Эри опустила голову. Выдавила:

– Да.

– Почему ты так решила?

– Потому что Тимофей. Он... – определение нашлось не сразу.

– Встревожился? – подсказала Елена Викторовна.

– Да. – Эри обрадовалась новому «взрослому» слову. Повторила: – Встревожился!

– Ты это слышала, так?

Эри кивнула.

– Ты решила, что Тимофей боится, что мы с Григорием Алексеевичем будем тебя ругать, и... что ты сделала?

– Зазвенела, – не сразу, чуть слышно пробормотала Эри. Ей стало жарко и неловко. До сих пор не приходилось обсуждать со взрослыми то, как она звенит.

Елена Викторовна приподняла брови:

– Что, прости?

– Зазвенела, – повторил вместо Эри Григорий Алексеевич. – Судя по всему, так она называет этот процесс. – Врач сел перед стулом Эри на корточки. – А можешь сейчас позвенеть?

Эри торопливо замотала головой.

– Мы не будем тебя ругать. – Григорий Алексеевич взял Эри за руку. – Позвени, пожалуйста. Так же, как в коридоре. Можешь?

– А точно ругать не будете?

– Точно. Обещаю.

«Я хорошая», – несмело звякнула Эри. Подождала, убедилась, что обещание Григорий Алексеевич держит, и повторила уже смелее: – *Я хорошая! Очень-очень хорошая!*»

С удовольствием увидела, как врач расплывается в теплой улыбке. И вздрогнула от ледяного тона Елены Викторовны:

– Ну, вот. Пожалуйста, наглядная демонстрация. Надеюсь, теперь у тебя сомнений не осталось?

– Вы сами просили, – пробурчала Эри.

– Конечно. – Елена Викторовна улыбнулась. Не по-настоящему, но все же. И тон сбавила. – Сейчас мы просили сами, не отрицаем. Но вот что, Эри. Видишь ли... Так делать нельзя.

Эри сдвинула тонкие, едва заметные брови:

– Что – нельзя?

– Звенеть, – мягко объяснила Елена Викторовна.

Эри, ища поддержки, повернулась к Григорию Алексеевичу. Тот грустно кивнул.

– Совсем нельзя? – обескураженно переспросила Эри, – никогда?

– Боюсь, что так, – отозвался врач. – Разве что мы сами тебя об этом попросим.

– А просто, самой – нельзя?

Григорий Алексеевич качнул головой:

– Нет.

– Нет, – эхом отозвалась Елена Викторовна.

– Почему?! – Эри вертела головой, глядя то на одного воспитателя, то на другого – ей все больше хотелось расплакаться.

С таким единодушием взрослых, без единой лазейки, сквозь которую светила бы надежда – если очень хочется, то можно – девочке редко доводилось сталкиваться. Не плакала пока только оттого, что боялась пропустить ответ. – Почему?!

– Видишь ли... Никто здесь, кроме тебя, звенеть не умеет. И слышать тоже.

Эри подумала и осторожно хихикнула. Кажется, у взрослых это называется «шутка». Ну, конечно, над ней шутят! Сейчас Григорий Алексеевич скажет что-нибудь смешное, и они вместе с ним и Еленой Викторовной будут долго хохотать.

– Я знаю! Вы шутите, – гордая тем, что догадалась, объявила Эри.

И приосанилась на стуле. Так ведь не может быть, чтобы не слышать, правда?

А Григорий Алексеевич грустно покачал головой:

– Увы, моя хорошая. Не шучу.

И скоро Эри, к своему ужасу, поняла, что он действительно не шутит.

Потом не раз вспоминала тот разговор. И, взрослея, понимала, что детство ее закончилось именно тогда. В ту ночь пришло осознание: она не такая, как другие. Своим умением слышать и звенеть она может навредить другим людям.

«Понимаешь, – говорил тогда Григорий Алексеевич, – это нечестно, так себя вести. Как будто ты играешь с ребятами в жмурки – но у тебя, когда водишь, глаза развязаны. А ребята этого не видят и думают, что завязаны – так же, как у них, когда водят. А это нехорошо, ты согласна?»

Конечно, Эри тогда согласилась. И с этим, и с тем, что взрослые говорили потом. Пообещала, что звенеть больше не будет. А о том, что слышит других людей, никому не будет рассказывать.

«Это будет нашим с тобой секретом, ладно?»

И Эри хранила секрет. Все последующие двенадцать лет – хранила. Хотя, чем дальше взрослела, тем все более болезненным становилось понимание: в Бункере ее бояться.

От нее старались скрывать мысли и чувства. Григорий Алексеевич, Елена Викторовна и Вадим Александрович о способностях Эри знали. Остальные взрослые и подрастающая «молодежь» – другие дети – кажется, интуитивно догадывались. Эри обходили стороной даже самые маленькие из ребят – то ли сами, то ли наслушавшись более старших. И в одну прекрасную ночь Эри поняла, что не может больше сдерживаться.

Пять ночей назад Григорий Алексеевич поручил Олегу следить в лаборатории за температурой какого-то раствора. Дело несложное, но требующее внимательности: температуру необходимо было поддерживать постоянную, при отклонении более чем на два градуса в любую сторону увеличивать или уменьшать нагрев.

К тому моменту, когда в лабораторию пришла Эри, раствор был безнадежно испорчен – перегрелся. Григорий Алексеевич, глядя на Олега, укоризненно качал головой. Тот краснел и разводил руками, уверяя, что не отлучался ни на минуту. Проблема, должно быть, в оборудовании – сами знаете, какое оно изношенное, Григорий Алексеевич.

Голос Олега источал сожаление. А эмоции так и звенели досадой на Григория Алексеевича – дался ему этот раствор! – и страхом, что обман откроется.

Он не следил за раствором, – поняла Эри. Ну или какое-то время следил, на сколько терпения хватило, а потом махнул рукой и решил, что и так сойдет.

Эри стало ужасно жалко расстроенного Григория Алексеевича, сгорбившегося над «изношенными» приборами. А толстозадого лентяя Олега она с детства терпеть не могла.

– Он врет, – глядя на Олега, презрительно процедила Эри. – Он не следил за приборами. Сериал смотрел.

– Что-о?! – вскинулся Олег. – Да как ты...

– Тихо! – оборвал Григорий Алексеевич. – Олег. Ну-ка, посмотри на меня.

Толстяк с вызовом, ненавистно глянув на Эри, вскинул голову.

– Проверить, чем ты занимался, очень просто, – с нехорошей мягкостью проговорил Григорий Алексеевич, – нужно всего лишь открыть твой планшет и посмотреть вкладки. Ты готов их показать?

Олег побагровел. И в несколько секунд, под взглядом Григория Алексеевича, превратился из взрослого, оскорбленного в лучших чувствах мужчины в нашкодившего мальчишку.

Григорий Алексеевич покачал головой.

– Уходи, – брезгливо кивнул в сторону двери. – Тебе давно не десять лет. Тогда мне прибегнуть к крайним воспитательным мерам не позволяли, а сейчас, увы, уже поздно. Что выросло, то выросло... Убирайся.

Олег хватанул воздуха.

– Какая же ты дрянь! – выпалил в сторону Эри. И выскочил из клиники, громко хлопнув дверью.

А Эри уронила голову на руки и разрыдалась.

– Он ненавидит меня! – заливаясь слезами, выкрикивала она. – Меня все, все ненавидят!

Григорий Алексеевич долго ее успокаивал. Говорил, что Эри неправа и всё надумала. Ее ценят, любят, а Олег поступил мерзко. И, если он сам не поймет, что нужно извиниться, придется это объяснить. Переживать и плакать тут в любом случае не о чем.

Врач проводил Эри до комнаты – другие ребята жили в общих спальнях, а Эри, как старшей, выделили отдельное помещение. Когда-то она этим ужасно гордилась – пока не поняла, что ее просто-напросто отселили от остальных.

Заснуть Эри, как ни пыталась, не смогла. Решила, что надо вернуться в клинику – Григорий Алексеевич наверняка еще не спит, приспособит полуночицу к какому-нибудь делу. А может, поболтает с ней немного – единственный человек, с кем Эри могла себе позволить быть откровенной.

Но, подойдя к клинике, поняла, что Григорий Алексеевич не один. Из-за неплотно прикрытой двери доносился голос Елены Викторовны. Эмоции обеих Эри тоже слышала.

Когда-то она дала им обещание не слушать эмоции и честно старалась этого не делать. Но сейчас чувства этих, обычно сдержанных людей, кипели так, что Эри замерла у дверного косяка. А в следующий момент услышала свое имя.

– Эри плохо, Лена, – говорил Григорий Алексеевич. – Она мучается, пойми!

– И ты всерьез полагаешь, что, рассказав ей правду, облегчишь страдания?

Елена Викторовна говорила холодно, и Григорий Алексеевич, вероятно, принимал эту холодность за чистую монету. А Эри слышала другое: Елена Викторовна чего-то боится. И боится, что Григорий Алексеевич распознает за ее холодностью этот страх.

– Ты считаешь, что для девочки не станет потрясением узнать, что ее отец – адвентист? Что она появилась на свет в результате насилия?

– Лена. – Григорий Алексеевич тоже умел говорить ледяным тоном. – Эту сказку – о насилии – будь добра, оставь Вадиму.

– Ты... – голос Елены зазвенел. – Ты мне не веришь?!

– Нет. Я и тогда, восемнадцать лет назад, тебе не поверил. Что было, не знаю, свечку не держал. Но я знаю тебя. И немного – этого парня.

– Не напоминай мне о нем!

– И рад бы, но ты сама вынуждаешь. Я не верю, что он способен на насилие.

– Адапт?! – Елена расхохоталась. – Грегор, ты сам-то себя слышишь? Ветер не дует, огонь не жжет! Адапт не способен на насилие – человек, которого воспитывали убийцей!

– Его воспитывали солдатом. Это разные вещи.

– Да кем бы ни было! Неужели не помнишь, какое побоище он устроил, когда пытался сбежать?

– В том и дело, что прекрасно помню. И, поверь, в «побоищах» кое-что понимаю. Парень действовал максимально аккуратно – хотя мог нанести людям, с которыми дрался, гораздо больший вред... Но я – это я. Вадим в рассказ о том, что парень воспользовался твоим бессознательным состоянием, поверил, от идеи сообщить об этом вопиющем случае Герману отказался – и я не стал вмешиваться. И, если бы не Эри, вообще не завел бы этот разговор.

– Хорошо, возвращаемся к тому, с чего начали, – голос Елены зазвучал примирительно. – Почему ты считаешь, что Эри должна узнать правду? Ты вообще представляешь, каким это будет шоком? Девочка и так переживает из-за своей непохожести на других – а мы объявим, что ее эмбрион не был сформирован искусственно? Что она не росла в инкубаторе, как другие? Что ее биологическая мать – я, и скрываю этот факт? Что ее отец – адапт, который понятия не имеет о ее существовании? Если вообще жив до сих пор.

– Жив, я наводил справки... Да. Я считаю, что именно это и надо сказать. Однажды мы уже скрыли правду, от Кирилла. Вспомни, чем всё закончилось... Кроме того, есть вероятность, что Эри захочет познакомиться с отцом. При всем уважении – мне кажется, он поймет Эри куда лучше, чем мы с тобой. С ним она будет чувствовать себя на равных. Да элементарно узнает, что она не одна такая – «слышащая» и «звнящая»! Уверен, что девочке уже от этого станет легче.

– И когда ты собираешься все это вывалить?

– Да хоть завтра. Зачем тянуть?

– Нет. Я против поспешных действий. Эри надо подготовить к этой мысли. Да что Эри – мне самой надо привыкнуть! Нужно подумать, как мы преподнесем информацию Вадиму, другим людям. Подготовить, так сказать, почву – если ты так убежден, что своими действиями мы сотворим благо, а не навредим.

– И каким образом ты собираешься «готовить почву»?

– Пока не знаю, надо подумать.

Глава 2.

Эри. Бункер

Григорий Алексеевич с Еленой Викторовной разговаривали и дальше, но дальше Эри не слышала. Стояла, ошеломленная, и не скоро заставила себя сдвинуться с места. Новые знания не укладывались в голове.

У нее есть мать, и это Елена Викторовна. У нее есть отец, и это неизвестный адапт.

Мать.

Отец.

Слова из энциклопедии, из мира до того как все случилось.

Ни у кого в окружении Эри не было матерей и отцов. Родители взрослых погибли, новое поколение появлялось на свет посредством искусственного зачатия.

«Бесконтрольное размножение – удел животного мира, – рассказывала воспитанникам на уроках Любовь Леонидовна. – А мы не животные. Мы – люди, человеки разумные. И в нынешних обстоятельствах, когда полноценная жизнь на поверхности не представляется возможной, естественный выбор разумного человека – избирательная, строго контролируемая рождаемость. До того как все случилось, людям была свойственна беспечность. Людей было много, ресурсов, необходимых для нормального существования – еще больше. А сейчас ситуация в корне изменилась.

Адапты выбрали инволюцию в животный мир. Перестройку собственного организма под изменившиеся природные условия. Отказ от цивилизации и возвращение в каменный век – что ж, это их решение, мы признали за ними право выбирать. Но повлиять на наш выбор они, к счастью, не способны.

Вакцина, которую создал Вадим Александрович, не адаптирует организм к окружающей среде – она заставляет работать детородные клетки. Функционировать так же, как до катастрофы. Вы, растущие здесь, ничем не отличаетесь от прежних людей – но в корне отличаетесь от детей, которые рождаются у адаптов. Уточню: они именно рождаются! Зачатие и роды происходят естественным путем, как у животных».

В классе при этих словах воспитательницы обычно фыркали. Эри тоже фыркала вместе со всеми – как звери, надо же! Она живо представляла себе адаптов, заползающих на коленях в какую-нибудь специально вырытую нору и лезущих там друг на друга – словно кролики в питомнике, – и с трудом удерживалась от смеха. А потом у адаптов рождаются детеныши и ползают вокруг адаптки-матери. Толкаются, испражняются... Фу-у! Насколько же примитивным мозгом надо обладать для того, чтобы добровольно на такое соглашаться?

Эри видела адаптов не раз. Хотя в Бункере общение малышей с «варварами» молчаливо не одобрялось, она была слишком любопытна для того, чтобы держаться подальше. С интересом разглядывала проходящих в Бункер мальчишек, привозивших продукты: внешне они разительно отличались от ребят, с которыми играла и училась Эри.

Темные лица, светлые глаза, белые волосы, развитая мускулатура и, судя по словам Любови Леонидовны, совершенно не развитый мозг. Эри не была бы Эри, если бы однажды – было ей тогда лет десять – не решила проверить, насколько бестолковы адапты.

– Здравствуйте! – смело поздоровалась она с парнем, шагавшим по бункерному коридору к лифту – вероятно, за очередным мешком или ящиком. Встала у него на пути, загородив собой дорогу – предусмотрительно забралась подальше в туннель, туда, где ее беседу с варваром не смогли бы услышать взрослые. Честно подождала ответа и, не дождавшись, брякнула: – А вы знаете, сколько углов у треугольника?

По рассуждениям Эри, даже если парень эту элементарную вещь не знал, подсказкой могло послужить само слово «треугольник». Надо быть редким идиотом, чтобы не догадаться, – решила Эри, придумывая вопрос.

Адапт, глядя на Эри, наклонил голову набок. Крупную, лобастую голову с резкими чертами лица и белыми, перехваченными повязкой, короткими волосами. Нижняя губа адапта треснула – ровно посередине, он то и дело трогал ранку языком. А звучал парень отчего-то гораздо громче, чем обитатели Бункера. И очень ясно – яркий, отчетливый звук. Удивления с оттенком презрения – недоуменно расшифровала Эри. Она ждала вовсе не такой реакции.

– Ты дура, что ли? – сиплым голосом осведомился адапт. – Дай пройти, – и отодвинул Эри с дороги.

В прямом смысле: взял ее за плечи и, приподняв, переставил в сторону. Быстро, Эри пикнуть не успела. И, не оглядываясь, пошел дальше.

Задавать вопрос повторно Эри не рискнула. Не потому, что испугалась грубияна, она считала себя смелой. Просто поняла, что ответа не дождется. Знает адапт, сколько углов у треугольника или нет, так и останется тайной. Обсуждать этот – как, впрочем, и любой другой вопрос – с Эри парень не намерен, не для того сюда пришел.

Все это она услышала в исходящем от удаляющегося в сторону лифта адапта шлейфе скептического презрения. Собственно, он и сказал именно то, что думал: «Ты дура, что ли?» А выглядеть душой, даже в глазах адапта, Эри не хотелось.

Из туннеля она ушла и больше попыток заговорить с адаптами не предпринимала. Со временем привыкла считать этих ребят кем-то вроде роботов – заданные функции выполняют, и ладно. Что там происходит у них на поверхности, мало изучено и мало кому интересно. И вдруг ее отец – адапт!

Звучит так же дико как то, что ее мать – Елена Викторовна.

Елена Викторовна. Мать...

Бред! Этого просто не может быть.

Или может? Взрослые обсуждали этот факт без удивления и возмущения – обыденно, как что-то привычное. Они не предполагали, они знали! А значит, это правда.

Но почему же тогда никто другой ничего не знает? Почему все в Бункере уверены, что Эри появилась на свет в инкубаторе, как другие ребята? Она просто была первой – вот и все... Так. Стоп.

А может, она – результат какого-то эксперимента? Не самого удачного, очевидно – ведь никто другой из ребят не «звучит» и не «слышит»!

От Эри не ожидали, что она родится такой. Она должна была быть обыкновенной, но что-то пошло не так. Возможно, из-за влияния адаптских генов. Потом, на примере Эри, Вадим Александрович понял, что допустил ошибку, исправил ее, и дальше в Бункере рождались нормальные дети. А Эри – ну не убивать же, правильно? Не выгонять же из Бункера? Здесь все-таки цивилизованное общество, не первобытно-общинный строй. И не рассказывать же остальным, что вот эта милая девочка – генетическая ошибка?!

Григорий Алексеевич говорил что-то о насилии, – вспомнила Эри. А может быть... Может, Елена Викторовна не хотела этого эксперимента? И согласилась только из-за настойчивости Вадима Александровича? Или на эксперименте настоял Герман, тогдашний предводитель адаптов, и именно поэтому в нем участвовали адаптские гены?

Ну... теперь по крайней мере понятно, почему Елена Викторовна так строга с Эри – как ни с кем другим из ребят. Скорее всего, она не хотела, чтобы Эри появлялась на свет... вот такая.

Взрослые не знают, чего от нее ждать. Никому не делают столько замечаний, сколько ей. Она самая непослушная, непоседливая, самая упрямая из всех, кто растет в Бункере – об этом

Эри только ленивый взрослый не говорил. А она-то не слушала, считала, что придираются – из-за того, что старшая! А дело, оказывается, совсем в другом.

Она – неудачный эксперимент. Ошибка. Адаптские гены в ней берут верх над генами Елены Викторовны, и отсюда дерзость, непоседливость, нежелание подолгу корпеть над учебниками. Не говоря уж об умении слышать и звучать, которое так пугает взрослых...

Сначала Эри плакала, потом перестала. Решение пришло очевидное и страшное: ей нужно уходить из Бункера.

Полюбить ее так, как других ребят, все равно никто не сможет. От нее всегда, как бы ни старалась стать обыкновенной, будут ждать неприятностей.

А еще – где-то там, наверху, среди адаптов, живет ее отец. Человек, который – если Эри правильно поняла – тоже умеет слышать и звучать. И, может быть, даже знает, как с этим справляться...

А может, среди адаптов вообще много таких людей? Может, такие способности, как у Эри, в их обществе никого не пугают?

Ради этого она, пожалуй, готова, смириться с примитивностью жизни адаптов.

Ради встречи с отцом, ради понимания – никакая она не ошибка! И есть человек, который сумеет ее понять и не будет ждать от нее подвоха – просто потому, что чувства Эри для него будут как на ладони. Просто потому, что он тоже умеет слышать...

Эри зажмурилась. Пережитый ужас сошел на нет, уступив место надежде.

Я дерзкая?

Упрямая?

Неуправляемая?

Ну и пусть! Зато я сделаю то, что никто другой из тихих и прилежных бункерных крольчат не сможет. Я найду своего отца.

Разговор Елены Викторовны и Григория Алексеевича Эри подслушала четыре ночи назад. А сейчас она брела по заснеженной дороге.

Никогда не думала, что красивый пушистый снег на поверку окажется таким тяжелым. Что это так трудно – раздвигать его ногами, делая шаги, и что это занятие отнимает столько сил.

Насколько далеко она ушла от Бункера, Эри не знала. Она решила, что пока есть силы, будет двигаться вперед. Чтобы не зареветь и не поддаться желанию повернуть назад, принялась считать шаги.

«Через сто шагов я выйду к дому адаптов».

«Еще через сто точно выйду!»

«Через сто шагов встречу кого-нибудь...»

«Пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять... Боже, как же я устала. Больше не могу».

Эри опустила в сугроб.

«Мне нужно отдохнуть. Я посижу совсем немножко, десять минут. И пойду дальше».

Через десять минут Эри поняла, что подняться пока не может.

«Нужно еще посидеть. Еще хотя бы минут десять...»

Но еще через пять минут стало ясно, что она замерзает. Замерзли руки и пальцы ног внутри ботинок. Тело под пуховиком, свитером и штанами на синтепоне – до сих пор Эри казалось, что в такой одежде замерзнуть невозможно, перед каждой прогулкой прилагала все усилия к тому, чтобы не надевать хотя бы свитер – тоже начало чувствовать пробирающийся под одеждой холод.

«Больше сидеть нельзя, – поняла Эри, – я замерзну. Надо встать и идти. Ох...»

Поднялась она с трудом. Ноги едва выдергивались из наметенного на дороге снега. Уже не верилось, что первую сотню шагов когда-то прошла с нетерпением, сейчас казалось, что каждый шаг стоит едва ли не половину жизни.

В воздухе закружились снежинки. Легкие, воздушные, еще вчера Эри залюбовалась бы на них – а сейчас сердце кольнуло страхом. Она догадалась, что снежинки могут оказаться предвестниками надвигающийся метели. Да еще и ветер поднимается...

А что, если снегопад заметет адаптскую колею, и она потеряет единственный ориентир, и без того едва заметный в темноте? И что ей делать? Идти назад, пока не поздно?

Эри оглянулась – на то как снегопад присыпает ее, протоптанные с таким трудом, следы. Если поднимется метель, исчезнет и эта цепочка. А сил все меньше, их точно не хватит на то, чтобы одолеть дорогу домой... Нет. Возвращаться нельзя, надо идти вперед.

Эри наклонила голову – почувствовала, что, если спрятать ее в плечах, становится немного теплее. Затолкала руки поглубже в карманы – стиснула пальцы в кулаки, в попытке их согреть. Через силу сделала шаг. Еще один. Еще...

Может быть, тут и идти осталось совсем немного. Может быть, адапты где-то рядом. Может, еще чуть-чуть, и она услышит – если не реальные звуки, то хотя бы отголоски эмоций? Звучат адапты громко – громче, чем говорят, это Эри хорошо помнила.

А что, если... И как сразу-то не сообразила! Эри замерла. Насторожилась, внимательно прислушиваясь.

И скоро показалось, что действительно слышит – странный, незнакомый и очень далекий звук.

«Иди ко мне! – осознав, что ей не показалось, взмолилась к издающему звук незнакомцу Эри. – Пожалуйста! Тебе очень-очень надо сюда! Вот, прямо сейчас – очень надо! – Спотыкаясь и по колено утопая в снегу, бросилась навстречу звуку. – Иди сюда!»

Сердце заколотилось от радости – звук постепенно начал приближаться. Тот, кто скрывался за снежной пеленой, услышал, что Эри его зовет.

Ура! Получилось! Ее спасут, ей покажут дорогу!

«Сюда! Ко мне!»

Скоро Эри решила, что теперь незнакомец может услышать и голос.

– Э-эй! – она приложила ладони рупором ко рту. – А-у-у! Помоги-ите!

Незнакомец не ответил. А звук продолжил приближаться. Звучал он по-прежнему странно, в единственной тональности – раньше Эри не доводилось такого слышать.

Обычно любые эмоции – сложный коктейль, полифония из десятков звуков, среди которых не так-то просто выделить главный. А нынешний звук дребезжал единственной, ясно различимой нотой. И, когда Эри поняла, какой – замерла от ужаса.

Голод. Тот, кто издавал звук, был голоден.

Осознав это, Эри попятилась, упала. А звук продолжил приближаться, все быстрее и быстрее.

– Нет! – завопила Эри. – Стой! Не надо!

Попыталась вылезти из сугроба обратно на дорогу, провалилась в снег, упала на четвереньки.

– Стой!!!

Но догадка пришла слишком поздно. Голодный зверь не собирался останавливаться. Он появился на дороге раньше, чем Эри успела выбраться из сугроба – огромный черный силуэт на белом фоне.

Эри, обмирая от страха, вжалась в снег. А зверь, выйдя на дорогу, остановился. И спокойно стоял, наклонив гигантскую голову.

Постепенно до Эри дошло, что нападать он не собирается. Выждав, она осторожно приподнялась.

– Меня не надо есть, – попробовала внушить зверю Эри. – На мне много одежды, ты подавишься! Я худая и наверняка несъедобная.

Зверь не реагировал. Эри потихоньку выбралась на дорогу.

«Это, должно быть, лошадь, – догадалась она, – какая-нибудь адаптская, отбившаяся от стада. А я-то, дурочка, напугалась!.. Ой».

При ближайшем рассмотрении оказалось, что голова «лошади» увенчана увесистыми рогами.

– Ты... э-э-э... наверное, олень? – спросила у зверя Эри.

Тот молчал, наклонив рогатую голову. Эри показалось, что смотрит он обиженно.

– Я не знала, что это ты, – объяснила Эри, – я думала, человек. Я устала и замерзла, вот и звала хоть кого-нибудь.

Олень молчал. Не уходил.

Эри подошла ближе. Разглядела шкуру зверя – гладкую, жесткую даже на вид. Большие, тяжелые рога и блестящие глаза, глядящие на нее с укором.

– У меня нет с собой еды, – расстроено призналась Эри, – совершенно нечем тебя угостить. Извини, пожалуйста.

Зверь переступил на месте. Из темных ноздрей шел пар.

«А он ведь, наверное, теплый... Большой, сильный, и снег ему нипочем. Если взобраться ему на спину, как адапты садятся на лошадей, он, наверное, мог бы отвезти меня к людям...»

Зверь повернулся в сторону леса и явно собрался уходить. Эри его не интересовала.

– Стой! – взмолилась Эри. – Не уходи, пожалуйста!

Никогда раньше ей не приходилось испытывать свои умения на животных. Честно говоря, до сих пор Эри вовсе не подозревала, что животные тоже способны испытывать эмоции. Но ведь какие-то, очень простые – способны, наверное? Слушаются ведь лошади и собаки своих хозяев-адаптов? Вдруг и у нее получится?

«Не уходи! – изо всех сил зазвенела Эри, – остановись! Тебе хочется остаться. Тебе надо остаться. Ты хочешь есть, правильно? Так вот: если останешься, тебя накормят».

Олень замедлил шаг. Остановился.

Работает!

Эри подбежала к нему. От зверя резко, неприятно пахло, но шерсть так и дышала теплом. Если взобраться ему на спину...

В сериалах актеры запрыгивали на лошадей одним лихим движением. Эри, разглядывая оленя, поняла, что сумеет это сделать разве что с помощью приставной лестницы – его спина находилась на уровне ее глаз. В жизни она так высоко не заберется... Что же делать?

– А ты можешь присесть, пожалуйста? – попросила оленя Эри. – Ну или, не знаю... наклониться как-то.

Олень не реагировал. Еще немного, поняла Эри, и он снова попытается уйти. Нет. Этого нельзя допускать. Нужно понять, как с ним обращаться. Как заставить его делать то, что нужно ей.

«Тебе очень хочется прилечь, – зазвенела Эри, – чтобы покушать, сначала надо лечь, а потом немного пройти по дороге. Но сначала – лечь!»

И едва не подпрыгнула от радости, когда олень подогнул передние ноги и медленно опустился на дорогу.

– Я совсем немного вешу, – пообещала Эри оленю, неловко устраиваясь у него на спине. – И я не буду тебе мешать. Ты просто иди да иди... Ой!

Это олень, поднимаясь на ноги, едва не сбросил ее со спины. Эри обхватила его руками за шею, намертво вцепилась в шерсть.

– Ты молодец, – уговаривала она, – умница, ты совсем скоро покушаешь! А сейчас иди. Иди вперед, пожалуйста.

И олень послушался. Медленно, словно пробирающийся сквозь льды ледокол, двинулся по дороге, расталкивая снег мохнатыми ногами.

Эри всем телом прижалась к теплой спине и почувствовала, что согревается. Вспомнила картинку из читанной когда-то сказки – девочка верхом на олене. Но на то, чтобы вспомнить название сказки, сил у нее не было. Силы Эри сосредоточила на звере. На том, чтобы заставить его идти.

Глава 3.

Серый. Лес

Старенькая двуручная пила ходила по бревну легко, будто по воздуху. Серый не сразу понял, отчего руке так комфортно. Только через полбревна сообразил:

– Мрак! Ты пилу развел, что ли? – поднял глаза на друга, тянущего пилу за другую ручку.

– Угу, – кивнул тот. – Вчера.

А ведь должен был я зубья развести, – кольнуло Серого, – договаривались, что я... И, как обычно – зачитался да забыл. Хорошо, что у Мрака голова на месте.

– Сочтемся, – пообещал Серый.

Мрак неопределенно хмыкнул. Разговорчивостью он не отличался, языком чесал обычно Серый – за двоих, с самого детства. Он и от взрослых отбрехивался, и с девчонками знакомился, и с пацанами переругивался, если можно было решить дело на словах. А Мрак стоял в сторонке, посверкивая глазами из-под густых бровей, и даже поддакиваниями утруждался не часто. Заставить Мрака говорить предложениями длиннее, чем в три слова, Даша на уроках – и та не могла.

Вообще-то, по-настоящему Мрака звали Марк. Папаша Сталкер так назвал, в честь какого-то полководца. А лет в шесть, когда будущий Мрак учился выводить на бумаге свое имя, он нечаянно перепутал буквы – с тех пор и повелось. Ну и хорошо, считал Серый, как раз ему под характер. Лучше, чем какой-то Марк.

Отпиленные бревна парни складывали на санки-волокушу. Привычная с детства, отточенная до последнего движения работа.

Отец рассказывал, что раньше дров у поселка уходило гораздо меньше. Раньше было теплее, это Серый и сам помнил. Помнил и то, как пять лет назад над поселком впервые завьюжило. Они с Мраком, в то время двенадцатилетние пацаны, до визга радовались кружащимся снежинкам. А отец хмурился. Что-то, наверное, уже тогда предчувствовал.

В ту первую настоящую зиму снег еще не лежал, выпадал и таял. Весна пришла короткая и бурная, и рано наступила осень – едва успели урожай собрать.

Следующей зимой в поселке вспомнили, что такое меховая одежда и валенки. А еще через зиму жителям поселков пришлось осваивать лыжи, иначе про охоту пришлось бы забыть.

– Что за хрень-то творится, бункерный? – Серый хорошо помнил давний разговор взрослых.

Тогда из Владимира приехал Джек – гонец от Германа. Остановился, как обычно, у них дома.

Лара, жена отца, обрадовалась, она любила, когда Джек приезжал. При нем и отец меньше хмурился, и даже суровый Сталкер улыбался. Как начнут молодость вспоминать – только знай, уши держи открытыми. Серого с Мраком хоть и загоняли спать, да кто слушаться будет, когда такие гости? Ну и Лара всегда заступалась: «Да ладно вам, не ворчите! Пусть посидят».

Мать Серого, Светлана, жила с мужем и двумя дочерьми в Вязниках. Серый знал, что он – первый, кто родился на поверхности после того как все случилось. Мрака опередил аж на месяц, и страшно этим фактом гордился. Пока совсем мелкий был, Серый жил с матерью, отец его только иногда к себе забирал. А потом, чем старше становился, тем все больше вре-

мени проводил у отца. Влетало от него Серому, конечно, крепче, чем от матери – но зато с отцом интереснее было. У отца дома книжек – вагон, только читать успевай, а когда время появлялось, отец рассказывал про разное. И про то, как в Бункере жил, и про то, как они со Сталкером в Новосиб ходили – заслушаешься. А дома мамка только охала да над мелкими сестренками хлопотала... В общем, постепенно Серый насовсем перебрался к отцу. То утро, три года назад, он хорошо запомнил.

На террасе стояли отец, Сталкер, Джек и Лара.

Сталкер и Джек курили, Лара зябко жалась к отцу, но в дом не уходила.

– Так что творится-то, бункерный? – усаживаясь на перила и глядя на непрекращающийся со вчерашней ночи снегопад, продолжил начатый разговор Джек. – Что за сволочь погоду портит? Оно понятно, что на морозе лучше сохранимся – а все ж таки?

Звучало вроде беспечно, но даже проскользнувшем на крыльцо вслед за взрослыми Серому и Мраку стало ясно, что вопрос не шуточный. И Джек, и Сталкер смотрели на отца серьезно.

– Да если бы я знал. – Отец привалился спиной к стене террасы, крепче обнял Лару. – Опять природа с ума сходит. Казалось бы – всё! Мы своего добились: второе поколение солнечные лучи держит почти без ущерба для себя – значит, скорее всего, третье над нашими рассказами про ожоги вовсе хихикать будет... Так, нет! На тебе – вместо жары морозы. Солнцем нас не доконали, так холодом изводят.

– А может, оно как-то, того, – Джек покрутил рукой в воздухе, – рассосется?

Сталкер хмыкнул. Отец покачал головой:

– Сомневаюсь. – Он смотрел на падающий снег. – Тебя ведь Герман за тем и прислал – узнать, что с прогнозами? Так вот, можешь передать: я думаю, что дальше будет хуже.

– Ясно, – кивнул Джек. Подумал и объявил: – Назад не поеду. Тут останусь.

Притихшие в углу террасы, за дровницей Серый и Мрак едва сдержались, чтобы не взвизгнуть от радости.

– Это почему? – нахмурился Сталкер.

– А вон, бункерный рассказывал – до того как все случилось гонцам за плохие вести яйца отрубали. Вдруг Герман про это тоже знает?

– Во-первых, не до того как все случилось, а две тысячи лет назад. Во-вторых, им не яйца отрубали, а головы. А тебе твоя и так без надобности – я считаю, волноваться не о чем.

– Ты, бункерный, вола не крути, – оборвал отца Сталкер. Сел на перила рядом с Джеком. – Делать-то чего? Только не говори, что не думал.

Отец ответил не сразу. Сталкер его не торопил, и остальные тоже напряженно молчали.

– Я думаю, что надо подождать еще год, – совсем другим, далеким от шутливости, тоном проговорил отец. – И, если температура продолжит падать, подыскивать для жилья другое место.

– Че-го-о?! – Сталкер и Джек выпалили это одновременно, Лара ахнула. – Что значит – другое место?

– То и значит. А ну, пацаны... – отец отыскал глазами Серого и Мрака. – Да не прячьтесь, я видел, как на улицу выскочили! Что такое север и юг, помните?

– Север – это куда стрелка компаса всегда показывает, – выглядывая из-за обустроенной на террасе дровницы, отрапортовал Серый. – На севере холодно, там до того как все случилось были полярные льды и пингвины.

– Сам ты пингвин, – выглядывая с другой стороны, буркнул Мрак. – На севере – белые медведи.

Серый открыл было рот, огрызнуться, но отец вмешался:

– Точно. Пингины на Южном Полюсе, молодец, Мрак... Так вот. На севере холодно, а тепло – на юге. И других вариантов, кроме как перебираться ближе к югу, пока мы тут насмерть не перемерзли, я не вижу.

Джек присвистнул:

– Зашибись... Не, народ. Вы как хотите, а я с такими новостями к Герману не поеду.

– Я не сказал, что предлагаю действовать прямо сейчас. – Отец отлепился от стены. – Понятно, что срываться с насиженного места, из обжитых домов, с распаханых полей неизвестно куда, надо только в случае крайней нужды. Я потому и сказал: давайте выждем. Посмотрим, что за зима придет в следующем году. Практика показала, что такую зиму, как сейчас, мы в состоянии пережить. К следующему сезону подготовимся: утеплим дома, запасем побольше дров. Но, если температура продолжит падать, а лето будет становиться все короче, долго мы в таких условиях не протянем. При нашей, не самой плодородной почве, мы просто-напросто не будем успевать снимать урожай, я прикидывал.

– Бункерный, – спрыгивая с перил, попросил Джек. – Починил бы ты прикидыватель, а? А то как-то больно уж паршиво.

Через год стало ясно, что прогноз отца сбывается: новая зима пришла раньше предыдущей. Снега намело по самые подоконники, а морозы били такие, что в колодцы приходилось спускаться, вооружившись топором – скалывать лед.

Джек в ту зиму приезжал из Владимира трижды. После третьего его приезда отец объявил, что весной, как только сойдет снег и встанет летняя дорога, они с Джеком и еще несколькими людьми уйдут на юг, на разведку.

Дорога встала в конце апреля. Отец, Джек, Олеся и двое охотников ушли. Они должны были вернуться в сентябре, но не вернулись. В октябре и начале ноября вестей тоже не было.

Когда над землей закружила первая поземка, домой к Серому и Ларе, после ухода отца оставшимся вдвоем, пришел Сталкер. Не один, вместе с Мраком.

– Мы в гости, – хмуро объявил командир Ларе, – извиняй, что незваные.

Серый удивился – что случилось? Дел у Сталкера, после ухода отца, невпроворот – какие тут гости? А Лара, открыв дверь и увидев командира, побледнела. Оглянулась на Серого.

Сталкер отвел глаза. Ларе ничего не сказал, Серого взял за плечо.

– Пойдем, – кивнул в сторону комнаты. Вытащил из-за пазухи какие-то бумаги. – Поговорить надо.

«Здравствуй, сын.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не вернулся. Такой вариант существует – хотя я, разумеется, надеюсь на лучшее.

Договоренность у нас со Сталкером следующая: если ни я, ни Джек, ни кто-либо из нашего отряда в течение полугода не вернется, это означает, что пора высылать новых разведчиков. Зимой, по зимней дороге, не теряя времени на весеннюю половодницу. Мне сложно предсказать, каким будет это лето и какой – следующая зима, но чутье подсказывает, что надо спешить. Из всех мужчин, что живут сейчас в Доме, вы с Марком – самые молодые, выносливые и адаптированные к окружающей среде. Опытнее вас только Сталкер, но ему не на кого оставить поселок. Поэтому – вы.

Мои инструкции советую выучить наизусть, память у тебя хорошая. Карту тоже изучи хорошенько, так, чтобы перед закрытыми глазами вставала. Старайся действовать по моим указаниям, но помни, что я не бог и всего предугадать не могу. Наверняка настанет момент, когда придется принимать решение самостоятельно.

На этот случай запомни сам и передай Марку: ваша цель – НЕ поиски нашего отряда и уж тем более – лично меня или Джекка. Ваша цель – поиски удобного, безопасного места, не меньше чем в тысяче километров к югу отсюда, куда можно будет передислоцировать поселок. Это первое, что ты должен держать в голове. А второе: вы с Марком должны успеть вернуться до наступления весны. Полагаю, не надо объяснять почему.

Инструкции – следующим листом.

Прощаться не хочу. Знаю, что я не лучший отец, но тем отраднее видеть, что ты вырос хорошим человеком. Я верю в тебя и Марка! И верю, что у вас все получится. Ни пуха ни пера. Кирилл».

С тех пор у Серого было, конечно, время опомниться – а в тот момент его здорово сплющило. Особенно первая фраза письма: если ты читаешь, значит я не вернулся! Отец как будто прощался этой фразой, хоть и написал дальше, что прощаться не хочет.

До сих пор в душе у Серого, несмотря на обеспокоенные лица Лары и Сталкера, жила уверенность: с отцом все в порядке.

Ну, задержался отряд в пути – мало ли что. Может, кто-то ногу сломал? Или еду запасают на обратную дорогу? Или еще что-нибудь... Страшная мысль – отряд не возвращается потому, что возвращаться некому, до сих пор казалась невозможной.

Это же отец! И Джек! И Олеся! Сильные, умные, аж до самого Новосибира добирались – ну что с ними может случиться? И – на тебе. Черным по белому написано: не ищите нас.

Мертвым забота не нужна, – похолодев, расшифровал для себя эту фразу Серый. Позаботьтесь о живых. О поселке.

Серый вскинул голову, уставился на Сталкера – надеясь прочесть в его глазах опровержение.

– Я тоже уверен, что все обошлось. – Слова не понадобились, Сталкер его понял. Положил на плечо тяжелую руку. – Но пока приходится рассчитывать на худшее. Держись, пацан.

– Он жив, – сказала вдруг Лара. Побледневшая, стиснувшая кулаки, говорила она твердо. – Я бы почувствовала, если... Но он жив. И Джек тоже. И Олеська.

Сталкер кивнул:

– Хорошо, коли так. Живы – значит, вернуться. А только нам тут – не сидеть ведь на жопе ровно? Действовать надо... В общем, неделя вам с Мраком на сборы.

– Мы вдвоем пойдем? – удивился Серый.

– А кого тебе еще?

– Н-ну... – Серый запнулся. – С отцом-то четверо ушло.

– Вот в том и дело, что четверо, да сам бункерный – пятый. – Сталкер вздохнул. – Известно же, что случилось. Но он еще перед уходом сказал, что, если не вернуться, надо будет поменять тактику. Там, где взрослые мужики в открытую не прошли, вы вдвоем втихаря, глядишь, проскочите.

– Ясно, – сказал Серый. Повернулся к Мраку. – Ну... чего тогда тянуть? Пошли, что ли, собираться?

Это было пять ночей назад. Сегодня – шестая ночь, крайняя из тех, что отмерил на сборы Сталкер. Завтра Серый с Мраком уходят. А пока работы по заготовке дров никто не отменял, в поселке каждые руки – считанные.

– Всё, что ли? – Серый взгромоздил на сани последнюю вязанку.

Мрак молча кивнул и принялся опутывать воз паутиной веревок.

Серый разложил на снегу ремни упряжи – впрягаться в нее предстояло им с Мраком, лошади по глубокому снегу не тянули, вязли.

– Говорят, во Владимире Олеся собак под это дело приспособила, – надевая лыжи, сказал пыхтящему рядом Мраку Серый. – Собаки по снегу хорошо бегают. И они выносливее, чем лошади.

Мрак пожал плечами.

– Ну да, – поскущел Серый, – и то верно. Даже если не врут, так когда еще у нас те собаки появятся? Мы с тобой уже по-любому свалим.

Мрак кивнул.

– А вот если, представляешь... – Серый с Мраком одновременно оттолкнулись палками, лыжи заскользили по снегу. Волокуша с дровами тронулась. – ... если, представляешь, сейчас бы собаки воз тянули, а не мы? Вот бы жизнь наста... – Серый не договорил.

Мрак вдруг вскинул руку, призывая замолчать. Более чуткий к лесу, он насторожился раньше, чем Серый. Впрочем, через секунду Серый тоже услышал далекий волчий вой.

– Лося гонят, – объявил Мрак. И быстро сбросил с себя упряжь.

– На нас? – Серый тоже скинул с плеч ремни.

– В сторону... Но успеем. Жми. – И Мрак, оттолкнувшись, рванул вперед.

Серый – следом, другу он привык доверять. Если Мрак считает, что волки загоняют лося – значит, так оно и есть. Сам Серый «слышать лес» не умел, хоть и учился этому искусству вместе с Мраком. Ну и ладно. Зато он бежит быстрее.

Старики-охотники рассказывали, что до того как все случилось лоси были другими. И внешне отличались от тех, что сейчас по лесу бродят, и повадками. Крупнее были, сильнее. В одиночку не шастали – разве что весной во время гона, – на зиму рога сбрасывали. А когда все случилось, природа свихнулась, и зверье вместе с ней. Зим-то как таковых не было, почитай, лет двадцать. Лоси, как и другие крупные животные, измельчали, а хищники стали отчаяннее и злее. В прежние времена волчья стая ко взрослому лосю в жизни бы не сунулась, уделал бы копытами – только в путь. А по нынешним временам осмелели... Серый слушал, и не то чтобы не верил – хотя в поселках Цепи каких только стариковских баек не понаслушаешься, но как-то не очень понимал, для чего ему информация о том, как оно было раньше. Он сейчас живет, а не до того как все случилось! И волки с лосями тоже, с них, неграмотных, взять и вовсе нечего. Напоролась стая на сохатого – так разорвет за милую душу. Если их не опередить, конечно.

Мрака Серый обогнал – когда понял, что волчью стаю уже и сам отлично слышит. Мрак что-то прокричал. Серый оглянулся:

– Что?

– По дороге гонят, говорю!

Серый кивнул. И, возвращая сброшенный темп, прибавил ходу.

По дороге – это хорошо. На дороге и видимость – не та, что в лесу, и снег не такой глубокий. Странно, конечно, что лось бежит по дороге – обычно они, спасаясь от волков, напролом через лес прут, ну да мало ли что тому лосю в голову взбредет. Прогуляться, небось, решил, вот и догулялся. Волкам не достанется, так Серый с Мраком подстрелят. Лосиная туша – здоровая, надолго хватит. И летний жир лось пока не весь сбросил, мясо хорошее должно быть... Волков разогнать выстрелами и огнем – дело нехитрое. Если раньше сами, почуяв человеческий запах, не сбегут.

На дорогу Серый выскочил раньше Мрака. Понял, что успел вовремя: стая окружила добычу и рвала ее на части.

Серый вскинул на плечо карабин и выстрелил. Понятно, что с такого расстояния по бегущейся своре хрен попадешь, но хоть напугаются. Выдернул из рюкзака факел, поджег. И, размахивая факелом и матерно вопя на весь лес, рванул в сторону стаи.

Скоро за спиной раздался еще один выстрел – Мрак тоже выскочил на дорогу. Один из волков отделился от общего клубка и по-собачьи заскулил, вертясь на месте.

Раненного Серый добил на подходе, остальные волки бросились врассыпную. По разбежавшимся Серый не стрелял, один черт всех не перебить. Палкой отшвырнул с дороги мертвую тушу и подкатился к лосю – концы лыж ткнулись в окровавленный бок.

Так, ну сильно-то порвать его не успели. Даже, вроде, дышит еще... Серый выстегнулся из лыж, опустился рядом с лосем на колени.

Тот действительно еще дышал. И скулил. Тоненько, будто щенок:

– Ы-ы-ы...

Серый увидел ее раньше, чем сообразил, что лоси скулить не умеют.

То есть, в тот момент он еще не знал, кого увидел – просто разглядел, что из-под лосиной туши торчит маленькая, как у сестренки Ксюхи, обутая в сапог нога.

Лось, оказывается, придавил собой человека. И человек этот жалобно, по-щенячьи ныл:

– Ы-ы-ы...

Глава 4.

Эри. Лес

– Ты кто такая?

Придавившего Эри оленя парни-адапты, навалившись вдвоем, сдвинули в сторону.

– Ничего он тебе не поломал? – один из парней заглянул Эри в глаза. Потеребил за плечо. – Алё! Болит где-нибудь? Руки, ноги, ребра?..

Осмысленно ответить Эри не сумела. Неуверенно дернула головой.

– Придурочная какая-то, – поворачиваясь к напарнику, прокомментировал парень. – Или, может, немая? Как Артемка с Пекши, помнишь?

Напарник кивнул. Он пока не произнес ни слова, только с интересом разглядывал Эри.

– Эй, красавица! – первый парень снова тронул ее за плечо. – Ты говорить-то умеешь?

Эри собралась с силами и кивнула.

– Молодец, – одобрил парень. – А ну, скажи: «рыба»!

– Почему «рыба»? – удивилась Эри.

Слова вырвались сами, удивление оказалось сильнее недавно испытанного страха.

– Да я откуда знаю, почему? Когда Ксюха «р» не выговаривала, мамка ее достала с этой рыбой! Нет чтоб чего поинтересней придумать – «ракета», там, или хоть «рубериод». А она – «рыба»... Дак, это. Я говорю, болит у тебя что-нибудь?

Эри задумалась, прислушиваясь к себе.

– Бок, – определила она.

– Вот этот? На который завалилась?

– Да.

– Ну, это ничего. Раз треплешься – значит, вряд ли поломалась... Давай руку. – Парень протянул ей ладонь в необычной перчатке: вязаной, с обрезанными пальцами и откинутым клапаном, при желании такая перчатка превращалась в варежку.

Эри, помедлив, ухватилась. Парень поддержал ее за спину и помог сесть. Эри огляделась.

Второй парень сидел на корточках чуть поодаль, рядом с лежащим на снегу оленем. Эри присмотрелась и зажмурилась – поняла, что темное пятно, расплывшееся вокруг оленя – кровь.

– Бедный! – ахнула она.

Попыталась подняться, не сумела, увязнув в снегу, и подползла к оленю на коленках.

– Ой. – Лучше бы не подползала – от вида кровоточащих ям, оставленных на теле животного волчьими зубами, замутило.

Олень, будто почувствовав Эри, приоткрыл глаз. Уже не блестящий – больной, мутный. Эри почувствовала, как к горлу подступают слезы.

– Тебя спасут! – пообещала она оленю. – Обязательно спасут! – осторожно погладила животное по морде. – Можно его перевязать? – повернулась к адапту. К молчаливому парню – он стоял ближе, чем первый.

– Лося? – недоуменно глядя на Эри, уточнил тот.

– Э-э-э. – Это, оказывается, вовсе не олень. – Да.

– На хрена?

– Что, простите?

Эри с парнем уставились друг на друга.

– Однако, беседа зашла в тупик, – хмыкнув, определил первый парень. И перевел для Эри: – Он спрашивает: тебе делать не фига, кроме как лосей перевязывать? Серьезно думаешь, что от этого мясо лучше сохранится?

Эри захлопала глазами:

– М... мясо?

– Ну да. Или он типа лошади у тебя, потому и придавил? Сколько живу – в первый раз слышу, чтоб на лосях ездили.

– Да, – торопливо уцепилась за предложенную версию Эри, – он у меня... э-э-э... типа лошади.

– Все равно скоро сдохнет, – мрачно вмешался второй парень, – волки ему брюхо вспороли. – Подошел и с усилием пошевелил тело Эрино спасителя: – Видишь?

Эри увидела. Завизжала.

Парень молча развел руками. Выдернул из чехла на поясе нож, ухватил «оленья» за рога. И быстрым взмахом перерезал ему шею.

На снег хлынула кровь. Картинка перед глазами Эри поплыла.

– Ты... ты... – она впервые в жизни набросилась на человека. Заколотила парня кулаками по спине.

– Спокойно. – Руки Эри перехватили сзади. Голос другого парня за ее спиной звучал так же, как его эмоции – твердо и уверенно. – Будешь буяннить – свяжем.

– Как хоть тебя звать-то? – парень-адапт легонько толкнул Эри в бок.

Девушка не ответила. Она плакала.

В слезах выплеснулись и пережитый страх от нападения волков, и жалость к зарезанному лосю, которого так подло обманула, пообещав накормить, и тоска по оставленному за спиной теплому, надежному Бункеру – хотя в последнем Эри даже себе не согласилась бы признаться.

– Меня – Сергей, – сообщил парень. Его, похоже, мало беспокоило, что встречного вопроса Эри не задала. – Но обычно Серым зовут. А который за санями ушел, тот Мрак.

Второй адапт – угрюмый злыдень, хладнокровно зарезавший Эрино единственного друга – действительно куда-то делся.

– Вообще-то он Марк, – объяснил Серый. То, что Эри не задает вопросов, его по-прежнему не волновало. – Но все Мраком зовут. А тебя как?.. Да хорош реветь! – он снова подтолкнул девушку в бок. – Лося слезами не подымешь.

Эри в ответ заревела еще горше.

– Ах, так? – возмутился Серый. – Ну и сиди тут одна. Я пошел. – И, одну за другой, подтащил к себе лыжи. Похоже, правда собрался уходить – эмоции зазвенели досадой и решимостью.

– Не надо, – испугалась Эри.

– А не надо, так прекращай рыдать! Развела, тоже, болото. У вас в поселке все такие нытики?

– Я не из поселка. – Эри опустила глаза.

– А откуда? – Серый пристально ее разглядывал. – То-то я смотрю – странная какая-то! С Луны свалилась, что ли?

Эри не сразу поняла, что ее дразнят. Сообразив, обиженно поджала губы.

– По-моему, это ты свалился, да еще и головой ударился, – огрызнулась она.

Серый не обиделся. Молча ждал ответа.

– Я... – начала Эри.

И замолчала. А вдруг у адаптов существует договоренность с Вадимом – о том, что беглецов следует отправлять обратно в Бункер?

– Ну? – поторопил Серый. – Свинья?.. Змея?.. Цепочка от буя?

Эри, не удержавшись, фыркнула. Парень тоже улыбнулся.

– Из Бункера она, – раздался за спиной Эри сильный голос.

Эри вздрогнула.

– Не пугай девушек, Мрак, – пожурил друга Серый, – а то никогда тебя не женим... Эй, погоди! С чего ты взял, что из Бункера?

– Видать, – коротко ответил обладатель странного имени. Вышел, остановился перед Эри, засунув руки в карманы: – Скажешь, нет?

Эри опустила голову.

– Ну, из Бункера, значит из Бункера, – подбодрил Серый, – подумаешь! Мрак тех, которые из Бункера, только по пятницам жрет, в другие дни ему религия не позволяет. А сегодня среда, так что не бойсь. Не тронет.

Мрак молча показал Серому кулак и снова повернулся к Эри. Уставился на нее светлыми, широко расставленными глазами:

– Ты как сюда попала? Вас же за забор не пускают?

– Да еще и с лосем, – добавил Серый. – Вы там, в Бункере, лосей разводить начали, что ли? Людей надоело?

Эри настороженно молчала, прислушиваясь к эмоциям парней. И с удивлением поняла, что настроены они, несмотря на грубость речи, вполне доброжелательно. Тащить ее обратно в Бункер, похоже, не собираются.

– Я ушла, никого не поставив в известность, – набравшись храбрости, призналась Эри. – В Бункере не знают, что я здесь.

Серый присвистнул.

– По-простому это называется «свинтила», – подсказал он. – И чего? Куда путь-дорогу держишь?

– К вам. Вы же из Дома? Вы Кирилла знаете?

– Ну, так, – Серый отчего-то помрачнел, – знакомы маленько. А зачем тебе Кирилл?

– Потому что я думаю, что он должен знать моего отца.

– А кто твой отец?

– Не знаю.

– Бр-р-р. – Серый потряс беловолосой головой. – Так. А ну, давай сначала!

Эри снова ехала на лосе. Только в этот раз он не шевелился.

Мертвую тушу адапты, изрядно покряхтев, взвалили на привезенные откуда-то Мраком сани и примотали к ним веревкой. Тушу Серый застелил снятым с себя жилетом со множеством карманов – оба парня носили такие поверх курток. Эри было велено держаться за рога и не болтать, все равно за скрипом лыж ничего не слышно. Сани адапты тянули за специальные ремни-упряжку. Эри, оседлавшая лося, послушно вцепилась в рога и не болтала.

Она чувствовала, что снова замерзает. Но на этот раз грела надежда – она не одна. Парни везут ее в адаптский поселок. Скоро она увидит Кирилла. Скоро всё будет хорошо.

Серый

В поселке Серый и Мрак потащили найденную в лесу девчонку домой к Серому. О том, что Кирилла в поселке нет, решили пока умолчать. Девчонка, похоже, сама не больно понимает, чего ей надо, и вообще стремная какая-то. Пусть сперва Лара на нее посмотрит – чердак-то на месте? Так она вроде ничего, на мордашку даже симпатичная, только больно уж странная. Кожа – белей снега, только что с ним не сливается. Глазищи темные, огромные, а ресницы длиннющие. Когда хлопает ими, кажется, что ветер дует. Ростом Серому – едва до плеча, ступня у него в руке поместится. Ладони тоже маленькие, будто у ребенка, и зовут по-чудному: Эри.

Спросили, из какого это кино – удивилась, сказала, что не знает. Это где ж такое видано, спрашивается, чтобы не знать?.. В поселках, если родители кого киношным именем назовут, так он тебе, как подрастет, весь фильм расскажет, от первого кадра до последнего. А эта – «не знаю»... В общем, чудная девка. И про батю своего чушь какую-то несет, Серый с Мраком слушали-слушали – ни хрена не поняли. Ну ее в болото, пусть Лара разбирается. Она лекарша, и не таких чудиков видала.

Лара топила печку – сидела на корточках перед открытой дверцей, ворочая кочергой угли. Обернулась к вошедшим в комнату, на бункерную посмотрела с интересом. Девчонка замешкалась на пороге, Серый легонько подтолкнул ее вперед.

– Тут, это, – начал он.

– Здрасьте, – буркнул Ларе Мрак.

– Здравствуйте, – лепетнула девчонка.

– Привет. – Лара улыбнулась. – Замерзла?.. Проходи к теплу, не стесняйся.

Девчонка неловко топталась на месте. Серый взял ее за локоть и потащил к печке. Стянул с ладоней варежки, положил обе руки на горячие кирпичи.

Скомандовал:

– Грейся! Лар, тут это... – Серый замялся, оглянувшись на гостью. Не говорить же вслух: «Глянь, у девки крыша на месте?» – Можно тебя на минутку?

Лара недоуменно встала и отложила кочергу. Кивнула на закипающий чайник:

– Мрак, присмотри, – и вышла вслед за Серым в коридор.

Плотно закрыла дверь.

– Что случилось? Кто это?

– Девка из Бункера, – объяснил Серый, – в лесу напоролась. Она на лосе ехала.

– Чего? – оторопела Лара.

– Ну, на лосе. Молодой совсем, дурной еще... Был. Его волки загоняли, а мы услышали – ну, и отбили. Тушу пока на задний двор сволокли, как вернемся, разделаем. За дровами только смотаемся, а то ж бросить пришлось, сама понимаешь. Вместо дров лося на санки сложили, чуть не сломали – тяжеленный, зараза...

– Да погоди ты с лосем! – Лара поморщилась. – Ничего не понимаю. Девчонка-то откуда? И вообще, вы же за дровами пошли – какой еще лось?

– Обыкновенный, – объяснил Серый, – с рогами, такой – знаешь? – Повернулся к Мраку, который тоже высунулся в коридор. – А рога знатные, кстати.

– Рога – мне, – внезапно объявил Мрак.

Серый от возмущения присвистнул:

– Чего это – тебе?

– А ты в прошлый раз клыки от кабана забрал.
– Сравнил, тоже! То клыки, а то рога! Ты еще коровьи хвосты посчитай...
– Тихо, – прикрикнула Лара. – Так, с лосем понятно. Девчонка откуда взялась?
– Да говорю же, из Бункера, – с досадой повторил Серый, – я же с самого начала сказал!
Только у ней, походу, кукушка маленько съехавшая. Я думаю, с морозу – хотя черт его знает, может, всегда так было.
– Как – из Бункера? – Лара посерьезнела. – Ты уверен?
– Да по ней не видно, что ли? Белая, аж со снегом сливается. И глаза – глянь, какие!
Когда отец рассказывал, я и не верил, что такие бывают.
– Синие, – брякнул вдруг Мрак, – как у Снегурочки. – и покраснел.
– Правда из Бункера? – Лара недоверчиво хмурилась. – Как же ее Вадим отпустил? Бункерные за ворота-то ни ногой – а ты говоришь, в лесу встретили...
– Вадим ее не отпускал, – разъяснил Серый, – она сбежала.
– Совсем хорошо. – Лара скрестила руки на груди. – Зачем?
– Батю своего ищет.
Тут Лара поперхнулась и закашлялась.
– Там чайник закипел, – запоздало брякнул Мрак.
– В общем, ты посмотрела бы девку, – обращаясь к кашляющей мачехе, закончил Серый, – все с ней нормально, или как? А мы пошли, ага? – и дернулся к двери.
Лара предостерегающе подняла руку. Откашлявшись, велела:
– Стоять! – Подумала. – Вот что, Мрак – зови-ка отца. Серый, а ты за Дашей сбегай.
Серый скривился – рассчитывал, что они с Мраком удерут в лес, а Лара тут как-нибудь сама разберется.
– Да Даша занята, небось, – попробовал отбрехаться он, – если не в школе, так тетрадки проверяет. И дрова мы в лесу бросили...
– И отец занят, – вклинился Мрак, – он в это время на электростанции торчит.
– Давай, может, мы сперва за дровами, а потом...
– Не давай, – отрезала Лара. Она выглядела непривычно серьезной. – Дрова никуда не денутся. А ну, быстро – ноги в руки!

Кажется, главному в поселке адаптов человеку – Сталкеру – Эри не понравилась с первого взгляда.

В Бункере виденный только издали, здесь, вблизи, он показался девушке еще более суровым и угрюмым. Вместе со Сталкером Серый и Мрак привели женщину по имени Даша – невысокую, худощавую, и, несмотря на мешковатую одежду, изящную.

Эри сообразила, что это та самая Даша, которая росла когда-то в Бункере вместе с Кириллом и Олегом. Беседу с Эри начала она:

– Как тебя зовут?

– Эри.

– Красивое имя.

Вот, сразу чувствуется – из Бункера человек! Воспитанный. Не то что Серый с Мраком, которые сначала дурацкие вопросы задавали, а потом ржать начали.

– Полное – Эрида, – уточнила Эри.

Даша подняла брови:

– Эрида? Это ведь, если не ошибаюсь, богиня коварства?

– Вообще, хаоса и раздора. Хотя тут, конечно, одно из другого следует.

Эри невольно вспомнила, как в детстве, прочитав миф о богине, подбросившей трем красавицам яблоко с надписью «Прекраснейшей» и тем самым развязавшей, ни много ни мало, Троянскую войну, побежала за разъяснениями к Вадиму Александровичу – почему ее назвали таким ужасным именем?! Она ведь ничего плохого не сделала?

Вадим Александрович засмеялся. И рассказал, что Эри своим рождением вызвала в Бункере такой переполох и столько споров о том, как первеницу назвать, что в итоге решено было сойтись на Эриде – повелительнице раздоров. После чего потянул за сбитую набок ленту, которой Эри подвязывала волосы – сооружать из непослушной, вьющейся копны подобие прически было сушей мукой, Эри терпеть не могла возню с волосами. И кивнул на стул, который она, влетев в лабораторию, ухитрилась опрокинуть:

– Хотя, надо признать, хаос и ты идут рука об руку. Так что имя получилось говорящее.

Эри тогда надулась, сердито сдернула с головы ленту и удалилась, как ей казалось, гордой поступью – попутно что-то опять то ли опрокинув, то ли нечаянно смахнув с лабораторного стола. Вадим Александрович только головой покачал.

– Ну, хорошо... Эрида. Рассказывай. Почему ты ушла из Бункера?

Рассказывать было непросто. Из-за Сталкера.

К Серому и Мраку Эри успела привыкнуть, встретившая ее женщина по имени Лара казалась доброй, как и Даша. А вот под тяжелым взглядом Сталкера Эри хотелось съежиться.

Этому человеку она не нравилась. В его эмоциях плескалось брезгливое недоумение – что здесь, в адаптском поселке, забыла избалованная бункерная кукла?

«Я хорошая, – попыталась осторожно звякнуть в сторону Сталкера Эри. – Я вам нравлюсь!»

Сначала ничего не происходило. Эри сосредоточилась и зазвенела громче.

Уф-ф, получилось! Сурово поджатые губы мужчины дрогнули в неуверенной улыбке.

«Я вам нравлюсь! – Эри постаралась закрепить эффект. – Вам очень хочется меня послушать! Вам уже нравится то, что я скажу!»

– Да не съест он тебя, не бойся, – заметив, что Эри смотрит на Сталкера, ласково подбодрила Даша. Призыв, судя по всему, подействовал и на нее. – Нас вон сколько, а он один! В обиду не дадим, не переживай.

– Я не переживаю, – слукавила Эри, – просто думаю, с чего начать.

– Начинай с главного, – посоветовала Даша. – Я тоже когда-то жила в Бункере и помню, что там это не очень принято. А здесь все только так и говорят, берегут свое и чужое время. Нам его, к сожалению, вечно не хватает.

– Извините, – смутилась Эри.

– Ничего. Так, почему ты ушла из Бункера?

Эри покраснела.

Глава 5.

Эри. Поселок адаптов

– Видите ли... – пристыженная, Эри постаралась «начать с главного». – В общем, у меня есть основания полагать, что мой отец... э-э-э... местный.

– Адапт? – недоуменно подсказала Даша.

– Да. – Эри опасалась произносить это слово, знала, что адапты его не любят.

– Неожиданно. А почему ты так думаешь?

– Потому что я случайно услышала... один разговор. – Эри потупилась. – Я старше всех, кто растет в Бункере, почти на два года. И я... ну, не похожа на других ребят. В детстве я на это не обращала внимания, а после того как услышала, поняла, откуда непохожесть.

Даша задумалась.

– Я не особо интересовалась тем, что происходило в Бункере после моего ухода, – призналась она. – Были на то свои причины. Но, теоретически – почему нет? Адаптский генетический материал ничем не хуже любого другого. Выбор, безусловно, странный – я хорошо знаю Вадима Александровича и о его концепции «чистого разума» наслышана, – но мало ли, что могло случиться.

– Ваде другую башку приделали? – саркастически предположил Сталкер. – Ты реально веришь, что он мог к своим пробиркам кого-то из нас подпустить?

Даша пожала плечами:

– В качестве эксперимента – почему нет? Подожди, не перебивай! Запугал девчонку до смерти... А ты продолжай, – она повернулась к Эри. – Ты – не такая, как другие ребята. И в чем же это заключается? Внешне ты похожа на тех, кто живет в Бункере.

– Я... – Эри осеклась. Она не была готова к такому вопросу.

Да и вовсе к подобной беседе не готовилась! Думала, что парни отведут ее к Кириллу, тот подскажет, кто ее отец, их познакомят, и дальше все как-нибудь само образуется.

Отцу – Эри он представлялся человеком мудрым и добрым – она была готова рассказать о своих способностях. Но признаваться в них четверым незнакомым адаптам, один из которых смотрел на нее с явным недоверием, и Даше... Нет. Наверное, пока не стоит.

– Я... родилась почти на два года раньше всех остальных, – неловко повторила Эри. – И я росла одна, а потом в инкубаторе родилось сразу трое. Через год после них – еще трое. И через год... У меня не было проблем со здоровьем, а дети, которые рождались потом, нередко болели. Был случай, когда сразу несколько детей, один за другим, заразились и умерли! А я не похожа ни на кого из ровесников. Я непоседливая, эмоциональная... упрямая. – Эри покраснела. – Я не такая, как другие, понимаете? Вот и подумала, что, возможно, эксперимент с моим эмбрионом был неудачным. Мне досталось крепкое здоровье, но побочно... не лучший характер.

– Ну, допустим, – медленно произнесла Даша. – А почему же ты убежала? Почему не выяснила -прямо там, в Бункере, у людей, которые наверняка всё знают – то, что тебя интересует?

– Потому что мне бы не позволили уйти. – Эри опустила глаза. – Вы ведь знаете, что Вадим Александрович собрался закрыть Бункер?

– Знаем, – обронил Сталкер. Он опять посуровел, а звенеть Эри сейчас не могла, слишком отвлекал разговор.

– Ну и, вот, – смешалась она. – Я решила, что нужно уйти, пока Вадим Александрович не закрыл люк. Я не хочу ждать десять лет, понимаете? Мне важно познакомиться с отцом. – Эри просительно посмотрела на Сталкера. – Сейчас, а не когда потеплеет.

– Ясно, – сказал Сталкер.

Таким тоном, что сомнений у Эри не осталось: ничего хорошего в этом «ясно» нет. От командира адаптов так и веяло холодом, Эри зябко повела плечами. Постаралась сосредоточиться.

«Я хорошая! – снова настойчиво зазвенела она. – Я очень хорошая! Вам хочется мне помочь! Хочется, чтобы я осталась!»

Сработало. Не сразу, но сработало. Взгляд Сталкера потеплел.

– И куда ж тебя, дурынду, поволокло-то одну? – добродушно пожурил он. – Ну, подошла бы ко мне, когда я у вас был, придумали бы что-нибудь.

– Вы бы меня не взяли, – не подумав, ляпнула правду Эри.

Испугалась того, что натворила, и перестала звенеть.

Сталкер тут же нахмурился. Вдобавок к прежней неприязни Эри с ужасом различила в его эмоциях еще и подозрение.

– Как знать, – медленно проговорил он. – Может, и не взял бы... Так. Ну, с папашей твоим, допустим, разобрались. А мать-то кто?

– Еле... – Эри снова осеклась. Подумала, что, возможно, этот секрет выдавать нельзя. – Не знаю.

Сталкер заметно напрягся. Прищурился:

– Уверена? Что не знаешь?

Ответ застрял в горле – Эри плохо умела врать. Покраснела и неопределенно дернула головой. Сталкер хмыкнул.

– А лет тебе сколько? – продолжил допрос он.

– Семнадцать. Скоро восемнадцать будет.

– Скоро – это когда?

– Летом. В июле.

– Сейчас ноябрь. Скоро восемь, а пока три, – гоготнул Серый.

Сталкер одним взглядом заставил парня замолчать.

– В июле, говоришь...

Эри пыталась докричаться до эмоций адапта – но словно наталкивалась на ледяную стену. Как будто Сталкер догадался, что происходит, и решил не поддаваться. Светло-желтые глаза смотрели на Эри холодно и настороженно.

Даша всплеснула руками:

– Ох, ну чего ты к девчонке прицепился! Ей отдохнуть надо, выспаться – после таких-то приключений. А ты допросы устраиваешь.

– Выспаться надо, – медленно кивнул Сталкер, – это точно, – и снова уставился на Эри.

Та ждала, съежившись под тяжелым взглядом. И дождалась:

– Завтра рано вставать придется.

– Зачем? – удивилась Даша.

– Затем, что дорога до Бункера не близкая. – Сталкер решительно поднялся.

– Рэд! – это вскрикнули Даша и Лара одновременно.

Парни, Серый и Мрак, тоже удивленно уставились на него.

– Тридцать пять лет, как Рэд, – отрезал Сталкер. – Лар, постели ей, пусть отдыхает. А завтра обратно в Бункер отправится.

– Она заблудится, – попытался заступиться Серый, – или замерзнет!

– Или волки задерут, – поддержал Мрак.

– Ничего, я с ней Сашку отправлю. На санях доедут.

– Рэд! – Даша возмущенно вскочила.

– Тихо. – Сталкер снял с вешалки куртку. Веско, с нажимом, тоном, от которого Даша мгновенно стусевалась, позвал, кивая на дверь: – Идем! Поговорить надо... Лар, и с тобой

тоже. – Перевел взгляд на Серого и Мрака. Приказал: – И вы не расслаивайтесь. Дрова из леса сами не прибегут.

Быстро натянул куртку, накинул капюшон и вышел из комнаты.

Даша, успевшая погладить Эри по плечу и шепнуть: «Не расстраивайся!», за ним. Лара неодобрительно фыркнула и тоже вышла. В комнате остались Эри, Серый и Мрак.

Парни переглянулись.

– Может, передумает Сталкер? – сочувственно глядя на Эри, предположил Серый. – Что он так взъелся-то? Нормальный был, улыбался даже! И вдруг как рявкнет.

– Не знаю. – Эри почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы.

Причину внезапной неприязни Сталкера она действительно доподлинно не знала. Но, кажется, догадывалась.

Рэд

Выйдя с женщинами на крыльцо, Рэд уверенно объявил:

– Знаете, чья она дочь? Джека.

Лара ахнула. Даша побледнела.

– С чего ты взял?

– С того, что Жека мне рассказывал, каким макаром тогда пропуск в хранилище раздобыл.

– Каким? – Даша смотрела на него во все глаза.

Рэд вздохнул:

– Уверена, что хочешь знать?

– Да... Нет. – Даша замолчала и отвернулась.

Лара тоже молчала.

– Джек... и Елена, – наконец медленно, не оборачиваясь, произнесла Даша. – Так?

Рэд развел руками:

– Выходит, так. По возрасту совпадает. И внешне она на Жеку, если приглядеться, похожа. Хотя больше на лохматую, конечно.

– И правда, – ахнула Лара.

У Даши задрожали губы.

– Даш. – Рэд положил руку ей на плечо. – Это было восемнадцать лет назад! Блин, да Жека с тех пор столько баб передрал, сколько ты картошки не съела! Тоже мне, событие... Успокойся.

– Я спокойна. – Даша сглотнула.

– А почему ты девчонку выгоняешь? – торопливо вмешалась Лара. – Чем она тут мешает?

– А ты не почувствовала?

– Что?

– То, как она людей под себя гнет, вот что.

Рэд смахнул с перил террасы снег. Сел на расчищенное место.

– Жека чувства только слушать умел, а эта – видать, еще и свои внушать. Вы как хотите, а мне такое счастье на хрен не случилось. Неизвестно еще, между прочим, что там у них в Бункере на самом деле произошло. Может, Вадя ее выгнал? Может, она их всех на головах ходить заставила? Или танцевать с голой жопой?

Лара фыркнула:

– Если в Жеку уродилась, запросто могла.

– Вот, то-то и оно... Вернется Жека – пусть сам со своим отродьем разбирается, а у меня без того есть о чем башке трещать.

Лара вздохнула:

– Жалко девчонку. Хорошая.

Рэд прищурился:

– Да? А ты уверена, что тебе ее жалко потому, что тебе ее жалко? А не потому, что она хочет, чтобы ты ее жалела? И что она хорошая – не потому, что хорошая, а потому что внушать это умеет? И что ей кому в следующий раз внушить захочется – ты знаешь?

Лара нахмурилась.

– Вот, сейчас ты от нее отошла, – продолжил Рэд, – тебе ее все так же жалко? Или уже поменьше? А тебе, Даш?

Даша тоже нахмурилась, прислушиваясь к себе.

– Это... пожалуй, и впрямь может быть опасно, – нехотя согласилась она. – А вдруг девочка не контролирует свои способности? Что будет, если она, к примеру, возненавидит кого-то? Ей ведь у нас нелегко придется. По себе помню...

– Да, об чем и речь. В общем, пусть валит, – категорично подвел итог Рэд. – Был бы Жека здесь – не вопрос, сообразил бы, поди, как с дочуркой справиться. А без него – хрен знает, чего от нее ждать. И вообще, мы ж ее не в лес на мороз гоним, а обратно в дом родной. К нашей жизни она непривычная, потом еще спасибо скажет.

Серый

Серый и Мрак рванули догонять Сталкера сразу, как только Лара вернулась в дом: оказалось, что наблюдать за тем, как бункерная дурочка потихоньку – думая, видимо, что никто ее уловок не замечает – вытирает катящиеся по щекам слезы, невыносимо.

Под уговоры Лары: «Ну, не расстраивайся! Вернешься в Бункер, поговоришь с Вадимом. Скажешь, что Рэд согласен тебя принять – если он даст разрешение. Без разрешения Вадима ты никак не можешь остаться, понимаешь?..» парни похватили с вешалки куртки и слиняли. Серый догадывался, что сон Лара девчонке обеспечит, найдутся у мачехи нужные травки.

Сталкер нашелся на заднем дворе – взялся разделывать лосиную тушу. На Серого и Мрака посмотрел недовольно:

– Сказал же, нет! И не уговаривайте.

– Да почему? – Отец с сыном друг друга стояли – Мрак глядел так же упрямо, как Сталкер. И глазами, когда надо, сверкал не хуже. – Ее ведь соплей перешибешь! Чего она такого может натворить, если останется?

– А я не говорил, что может натворить. – Сталкер отложил топор. Прислонился к козлам для распилки дров, закурил. – Я говорю – с Вадей нам собачиться не с руки, вот что. Думаешь, порадуется, что мы его девку пригрели?

– Дак, мы ж ее не звали? Она ж сама?

– А какая разница? Слышали ведь, что она сказала: Вадя закрывает Бункер.

– Так это и ты говорил.

– Ну да. А она, видать, подслушала, как мы терли.

– Между прочим, я бы от такой жизни тоже сбёг, – вклинился Серый. – Десять лет безвылазно под землей сидеть – это ж опухнуть можно!

Сталкер хмуро пожал плечами:

– Вадя сказал, что никак по-другому. Что сейчас, из-за холодов, приходится тратить лишнюю энергию на обогрев теплиц, питомников, и что там у них еще на поверхности находится. Старики почти не мрут – они ж там, в Бункере, живучие, – а молодняк подрастает, и все жрать хотят. Вадя что-то там считал-считал и решил, что с нами ему связываться по нынешним временам – сплошной убыток. Товары для нас производи, лифт включай, да еще территорию вокруг Бункера в порядке держи. И на колючку вдоль забора напряжение подавай, и снег расчищай, и лампы в прожекторах меняй... Возни, говорит, много, а толку мало. Я, говорит, эту электроэнергию лучше на свои оранжереи да крольчатни пушу. Законсервируемся, говорит, внутри...

– Законсервируемся, – машинально поправил Серый.

– Ну, неважно; а через десять лет вылезем да посмотрим, что тут. Если потеплело, так в обратку отыграем. А если нет...

– Потеплело или нет, Вадим и не вылезая может узнать, – снова вмешался Серый. – Если, например, не через десять лет, а в следующем году потеплеет. У них в рубке целая метеостанция стоит, мне отец рассказывал. И температуру на поверхности показывает, и атмосферное давление...

– ... и сколько у каждой кобылы зубов. – Сталкер выдохнул дым. – Думаешь, не знаю? Я просто Ваде говорить не стал. Ясно было, что он все решил и теперь повод ищет – с нами разойтись.

– Да и пошел он, – буркнул Мрак, – нужен больно.

– Вот и я подумал, что насильно мил не будешь. Окей, говорю, стало быть, через десять лет увидимся. Если доживем.

Историю о консервации Бункера Серый уже слышал – весть о том, что на ближайшие десять лет Вадим закрывает люк, Сталкер привез три ночи назад. В поселке новость пообсуждали, погалдели, да и плюнули. Что у нас, лекарств своих нету? Или батареей, или спрееем для защитных тканей?

Отец Серого, Кирилл, полжизни положил на то, чтобы максимально перенести производство необходимых вещей на поверхность, продукты на обмен в Бункер возили больше по старой памяти, чем по реальной надобности. Теперь Вадим решил, что традиция устарела... Что ж, вольному воля, спорить не будем – примерно так рассуждали жители поселка во главе со Сталкером.

Серый тоже не спорил. Чего спорить, если все правильно? Но в глубине души почему-то чувствовал: будь отец здесь, он бы не позволил закрыть Бункер. Всё, вроде, правильно – но в то же время нет.

«Так нельзя» – слова отца. Те, что Серый выпитывал с самого детства.

И отчего-то был уверен, что консервацию Бункера отец отнес бы именно в эту категорию. И нашел бы способ договориться с Вадимом. А Сталкер этот способ даже не искал – просто потому, что не хотел. Разрыв с Бункером его устраивал, точно так же, как Вадима. А теперь сбежавшая девчонка вынуждает Сталкера снова общаться с Бункером. Ясно же, что просто так Вадим ее побег не оставит. Уже, небось, спохватился, только ночи и ждет – на поиски идти, по светлому-то даже Серому с Мраком передвигаться надо осторожно, а бункерные по этой части вовсе нежные.

Стремление Сталкера вернуть девчонку в Бункер раньше, чем в поселок явятся гонцы Вадима, понятно. Они с Вадимом пришли к решению, устраивающему обоих – а тут вдруг падает на голову чокнутая девка, из-за которой Вадим запереться в Бункере не сможет! Даже если ему тридцать раз на эту Эри наплевать, демонстрировать заботу, интересуясь, как там наша девочка, придется. Ну и Сталкеру только ее не хватало, он с Вадимом мысленно уже распрощался.

Все это Серый понимал.

Но понимал он и то, что спорить со Сталкером бесполезно. Объективно – командир прав, и ничего тут не поделаешь. Как бы ни было жаль зареванную дурочку, ее стремление найти отца выглядит скорее капризом, чем серьезным решением. Вот, что бы было, если б Серого с Мраком не оказалось рядом, когда на нее волки напали? Разорвали бы на части вместе с лосем, и всех делов. У нее ведь не то, что карабина – паршивого ножа или спичек, и то с собой не было!

Делать этой бункерной неженке в поселке нечего, тут Сталкер прав. Кто ее кормить-то будет, и с какого рожна? Откуда Сталкеру или Даше знать, кто ее отец? И с чего она взяла, что Кирилл это может знать? А может, она вообще навывдумывала всё, чтобы Серого с Мраком разжалобить?.. Непохоже, конечно, но черт их, бункерных, разберет. И вообще, им с Мраком завтра уходить, не до девок тут.

– Ладно, Мрак. – Серый потянул друга за рукав. – Пошли за дровами.

Парни ушли.

Рэд проводил их взглядом, докуривая и дожидаясь, пока скроются из виду. Потом отшвырнул сигарету, выругался и со всей дури врезал кулаком по козлам.

– Ну, Жека! Наворочал дел... Папаша хренов.

Глава 6.

Эри. Лес

Эри ехала в адаптских санях. Прежде ей было бы жутко интересно, никогда ведь раньше в них не ездила, извертелась бы вся. А сейчас казалось, что в груди сжался холодный комок. Эри свернулась калачиком на дощатом сиденье и рассеянно следила за убегающим из-под полозьев следом. В горле стояли слезы.

Она – чужая. Она везде чужая. У адаптов ее бояться так же, как в Бункере.

Во дворе перед домом Сталкер отвел укутанную, заботами Лары, в целый ворох теплых одежек Эри в сторону и предупредил:

– Вот что. Фокусы свои брось. С Сашкой – не дуришь. Поняла?

Сашкой звали мальчишку лет тринадцати, младшего сына Сталкера – его выделили Эри в провожатые. О том, что неприветливый Мрак – старший сын командира, а Сергей-Серый – сын Кирилла, Эри уже знала.

Выдавить: «Какие фокусы?» она не смогла. Поняла, что Сталкер догадался о ее способностях – потому и выгоняет. Его слова о том, что Вадим Александрович должен дать разрешение, всего лишь предлог. Никогда Вадим разрешения не даст, а Сталкер именно на это и рассчитывает.

Эри закусила губы, чтобы не разреветсяя.

– Скажи честно. – Сталкер, глядя на нахохлившуюся девушку, кажется, немного смягчился. Сам, больше Эри в его эмоции лезть не смела. – Зачем ты пришла?

– Я сказала правду, – через силу выговорила Эри. – Почему вы не верите?! Я действительно хочу найти отца! Я думала, что он... такой же, как я. И что он меня поймет.

Сталкер помолчал. Глухо обронил:

– Он бы, может, и понял.

– Вы... – вскинулась Эри, – так вы его знаете?!

– Да не выкай, блин, – поморщился Сталкер, – терпеть не могу... Знаю. Фигня в том, что его здесь нет.

– А где он?

– Ушел. Вместе с бун... с Кириллом. Не повезло тебе.

– А когда вернется?

Сталкер развел руками:

– Хотел бы я знать. Восемь месяцев – ни слуху, ни духу... Ладно. – Он потрепал Эри по укрытой шапкой макушке. – Ты не кисни, ага? Держись. Как вернется папашка – расскажу про тебя, обещаю. И уж он сумеет дочку из Бункера выпепить, хоть Вадя на люк сто замков вешай, про это не волнуйся. А мне тебя стремно оставлять. Некому с тобой возиться, понимаешь? Зима на носу, заняты все. Пацаны, Серый с Мраком, и те сегодня уйдут. А вдруг не уберегу тебя?

– Я сама уберегусь, – робко предположила Эри.

Сталкер усмехнулся:

– Убереглась одна такая... Нет, красавица. Сиди уж в Бункере, а там разберемся.

И Эри поняла, что возражать бессмысленно. Оттого, что Сталкер перестал смотреть на нее с недоверием, решение он не изменил. И не изменит. Ну и гордость, в конце концов, у нее тоже имеется.

Эри шмыгнула носом и полезла в сани.

Сейчас лежала, глядя на две серебриющиеся под луной, уходящие за горизонт полосы, и пыталась прикинуть время, через которое адаптские сани встретятся с посланниками Вадима.

Часа через три уже встретятся, наверное. И надо будет что-то объяснять. Вадиму Александровичу, Елене Викторовне, Григорию Алексеевичу... Эри зажмурилась.

Ох, какой же простой и понятной жизнь была вчера! Когда Эри ясно видела цель: добраться до адаптов. Шла к ней – по колено в снегу, сквозь метель, удирая от волков верхом на лосе. Как была рада, когда встретила Серого и Мрака! Если бы судьбу Эри решали они, ее бы ни за что не выгнали, это девушка знала точно. Сталкер осторожничает, как все взрослые. А парни просто знают, что Эри ничего плохого никому не сделает, вот и всё.

– Послушай. – Эри придвинулась к Сашке, правящему лошадей. – А твой брат и Серый – куда они пошли?

– На кудыкину гору, – с наследственной приветливостью отозвался мальчишка. Но, заметив насупленный взгляд Эри, сжалился: – На разведку, на юг. Место нам для жилья искать. Бункерный-то ушел – не вернулся пока. Вот батя Мрака с Серым и отправил.

– То есть... – медленно начала Эри. Пазл в голове постепенно складывался. – Ты хочешь сказать, что они пойдут туда же, куда ушел Кирилл?

– Ну да.

– И, возможно, его встретят?

– Да, а чё бы нет? Может, и встретят.

– А... а Кирилл ведь не один ушел, так? С ним ведь еще кто-то?

Сашка кивнул:

– Их целый отряд собрался. Сам Кирилл, наших двое, ну и Джек с Олесей.

– А из «ваших» – кто? – Эри вдруг поняла, что имя ее отца Сталкер не назвал, а сама она не спросила.

Сашка по-сталкеровски наморщил лоб, вспоминая:

– Эрик, который с отцом в отряде ходил, когда меня еще не было... И Леха-охотник.

Имя «Эрик» отозвалось в сердце радостным предчувствием. А вдруг Вадим Александрович сказал тогда неправду? Учитывая то, как старательно оберегали от Эри тайну ее рождения, запросто мог. Может, и не было в Бункере никакого переполоха, и ей просто-напросто дали имя, созвучное с именем отца?

«Это он. Эрик. Наверняка!»

План созрел мгновенно. Серого и Мрака надо догнать и идти с ними. Вот он – шанс увидеться с отцом! А заодно избежать возвращения в Бункер.

Нда... План-то хорош. Эри покосилась на Сашку.

«С Сашкой – не дурить», – вспомнилось строгое напутствие Сталкера.

Ага, ему-то хорошо – не дурить! Он взрослый, сильный, вон какой властный. Его кто угодно послушается. А ей, маленькой и слабой, что делать? Если нет у нее другого выхода?

Уговорить мальчишку ехать догонять Серого с Мраком не получится, это Эри ясно понимала. Упрямством Сашка, похоже, пошел в отца – расшибется, но сделает то, что велел Сталкер.

Эри могла бы его усыпить – самый простой и безболезненный для совести вариант. Но тогда придется самой править лошадей, а это только у героинь приключенческих фильмов хорошо получалось, Эри от одного взгляда на сложную систему опутывающих лошадей ремней стало не по себе.

Оставалось одно.

Эри вздохнула. Осторожно звякнула в сторону Сашки, пока обычной симпатией. Потянулась к поводьям в его руке:

– А как вот эта штука называется?

Через полчаса у Эри худо-бедно получалось поворачивать. На команды «Тпру!» и «Но!» – поначалу они звучали вежливо и робко, Сашка хохотал в голос: «Да чего ты с ней, как с девкой на танцах?» – лошадь вроде тоже реагировала.

Пора, – решила Эри.

«Ты хочешь спать, – зазвенела она в сторону Сашки, – ужасно хочешь. Глаза сами закрываются». Мальчишка украдкой зевнул. Потом еще раз. И еще... Звону он поддался на удивление легко, не то что папаша. Эри подумала, что Сталкер, угрожая ей, о таком эффекте, вероятно, догадывался.

«Я вынуждена это делать, – сердито, чтобы заглушить уколы совести, сказала себе Эри. – Ни один мальчик еще не умер от того, что случайно заснул!»

Скоро Сашка сонно пробормотал:

– Срубает меня что-то, – попытался разлепить веки и не сумел. Едва не свалился с высокого сиденья.

Эри подхватила его – надо же, какой тяжелый! – осторожно оттащила туда, где недавно лежала сама. Поспешно взялась за выпавшие из Сашкиных рук поводья.

Так. Что он там рассказывал...

Пока Эри заставила лошадь развернуться в обратную сторону, с нее сто потов сошло. Пришлось распахнуть куртку, сдвинуть шапку, размотать вязаный платок на шее. В поводьях Эри едва не запуталась. Когда старая каурая кобыла затрусила наконец по своему следу назад, Эри шумно выдохнула. Полдела сделано. Осталось найти следы Серого и Мрака.

Эри знала, что парни ушли на лыжах – значит, должен остаться след, уходящий на юг.

В какой стороне находится юг, она представляла довольно смутно. Что делать, если лыжных следов, ведущих в разных направлениях, у поселка окажется много, тоже пока не придумала. Решила, что будет разбираться на месте, и, как могла, торопила кобылу. По накатанному следу та бежала чуть быстрее, чем раньше. А парни должны были выйти позже, чем Сашка увез Эри – им давал последние наставления Сталкер, рядом суетились Лара, Даша, еще какая-то женщина. Эри надеялась, что далеко уйти адапты не успели.

Сашка, подложив под щеку кулак, сладко посапывал на дне саней. Сколько он проспит, Эри не знала. Но понимала, что нужно спешить.

Серый

Как ни старались Серый с Мраком уйти из поселка в договоренное время, не получилось. Сперва оказалось, что пропали запасные лыжи, они собирались взять с собой пару на всякий случай. Пока сообразили, что лыжи уехали в санях, на которых Сашка повез домой бункерную девчонку – во вчерашней суете забыли их вытащить, – времени на поиски потратили немало. Пока придумали, где взять другую пару, пока за ней сбегали – ни с того ни с сего разнюнилась мамка, она специально приехала из Вязников на провода. Вроде молодцом держалась, и вдруг как давай причитать!

Серый краснел, переминался с ноги на ногу. Бормотал: «Ну, мам... Ну, ладно тебе... Ну, хватит...», Мрак терпеливо пыхтел рядом.

Концерт оборвал Сталкер.

– Всё, Свет! Уймись. Не на войну провожаешь.

К мамке подошла Даша, обняла за плечи, уводя в сторону, что-то зашептала на ухо.

Мрака мать не провожала. Пять лет назад Марина объезжала дикого жеребца – их тогда в округе много развелось, – а тот попер в дурь и сбросил наездницу. Марина сломала позвоночник. Когда к ней подбежал Сталкер, еще дышала. А когда принеслась перепуганная Лара, умерла.

Больше Сталкер не женился. Растил троих сыновей сам, бездетная Лара помогала соседски.

– В добрый путь, – глядя на парней из-за мамкиного плеча, сказала Даша.

Лара кивнула, сумела улыбнуться. Никто, кроме Серого, не знал, как отчаянно ждет она отца. Как подрывается иной раз среди сна, садится к окну – и долго-долго смотрит.

– В добрый путь, – всхлипнув, пробормотала мамка.

Снова попыталась броситься к Серому, Даша удержала. Негромко попросила:

– Езжайте, ребята.

– Счастливо. – Сталкер, двумя руками, хлопнул по спинам обоих.

Вот теперь точно можно было ехать. Серый и Мрак дружно оттолкнулись палками и пока-тили.

Из поселка выбрались быстро, встали на лыжную, уходящую в южном направлении. Поселковые охотники «юг» не жаловали, ходили в эту сторону не часто: полузасыпанная вчерашним снегопадом лыжня в темноте едва виднелась. А притормозили раньше, чем планировали – глазастый Мрак первым разглядел на снегу лыжные следы, идущие навстречу и резко сворачивающие налево, в лес. Свежие, часа два-три как оставленные.

Мрак поднял руку, останавливаясь. Серый тоже остановился, следы уже и сам разглядел. Спросил:

– Южане?

Мрак молча кивнул.

«Южанами» в поселке называли людей, чьи поселения начинались километрах в пятидесяти к югу от Цепи. До недавних пор жители поселка с южанами сталкивались редко, и, как правило, случайно – лес большой. Иной раз заблудившихся грибников и охотников приводили в поселок, чтобы отдохнули и набрались сил перед обратной дорогой... Так было до похолодания. А в последние годы ситуация изменилась.

Зимняя охота – не та, что летняя. Зверь злой, голодный. И встречается куда реже, чем летом. Бывает, что и ночь ходишь, и две – все попусту. В поисках добычи охотники уходили

все дальше и дальше в лес. Промышляют ли на чужой территории свои, Серый и Мрак предпочитали не спрашивать. Чужих же по нынешним временам, если случалось встретить у себя, принято было гнать в шею. А расставленные ими капканы освободить от добычи.

– Проверим? – предложил Серый.

Мрак кивнул. Парни свернули с дороги и встали на чужой след.

Расставленные южанином капканы обнаружили через час. Капканов было два, из второго довольный Мрак вытащил зайца с перебитой шеей. Прицепил к рюкзаку.

Возвращаться не стали, двинули по следу дальше – он вел в нужном направлении и скоро вновь свернул к дороге.

– Опа. – Мрак остановился. В месте поворота к следу присоединился еще один.

Серый, увидев второй след, выругался.

– Нет, ну нормально?! Ладно бы один... Чую, скоро у нас тут демонстрации гулять будут.

Парни, не сговариваясь, прибавили ходу.

– Так, – обалдел Серый. – А это что?!

Поверх лыжни по дороге проехали сани. Сомнений быть не могло: широкие следы полозьев от полос, оставляемых лыжами, разительно отличались.

– Они сюда еще и сани пригнали? Совсем охренели?

Мрак пожал плечами.

– И идет-то след от поселка... – Серый повертел головой. – Или, наоборот, в поселок?..

Мы ж с тобой, пока ехали, никаких саней не видали. Так?

Мрак кивнул. Подумав, выдал:

– Дома, если что, с южанами без нас разберутся. Поехали, – и решительно направил лыжи в сторону, противоположную поселку.

Эри

Увидев, сколько лыжных следов разбегается в разные стороны от ворот, Эри едва не заревела. Издеваются они, что ли?! Как определить в этой паутине следы Серого и Мрака?!

Так, успокойся, – одернула себя. Юг. Парни ушли на юг...

Постаралась вспомнить большую карту, висевшую в комнате для занятий. Бункер находится вон в той стороне. Поселок адаптов – вот. Юг на карте – внизу. Значит... Значит, получается, что юг – вон там. Эри с надеждой повернулась туда, где, по ее предположениям, находился юг. И увидела след на снегу! Вспомнила, как заметала вчера пурга ее собственные следы, присмотрелась – этот не припорошен. Значит, оставили его недавно. Значит, всё правильно! Она молодец. Теперь надо побыстрее отсюда убираться, пока не попала на глаза кому-нибудь из адаптов. До сих пор за ворота никто не вышел – повезло, но не всю же ночь будет везти.

Кряхтя от натуги, Эри сволокла с саней дрыхнувшего Сашку, подтащила ближе к воротам. Бросилась было к лошади, потом вернулась. Замерзнуть Сашка не успеет, скоро проснется – это Эри чувствовала, – но от Сталкера парню точно попадет.

«Саша не виноват! Это всё я! – начертила Эри на снегу подобранной у ворот щепкой. – Извините, пожалуйста».

Она догадывалась, что записка – слабое оправдание, и у Сталкера наверняка найдется, что сказать беглянке при следующей встрече. Но, может, хоть Сашку ругать не будет.

– Поехали скорее, – взбираясь на высокое сиденье и дергая лошадь за поводья, попросила Эри.

Эта дорога оказалась не такой утоптанной, как та, по которой Эри ехала до сих пор. Лошадь бежала не быстро, то и дело вязла в снегу. Удалившись от поселка, Эри зажгла выданный Ларой фонарь. Лара вообще, неодобрительно ворча, снабдила гостью в дорогу массой разных вещей.

Тут была и фляга, покрытая изнутри блестящим составом, Лара назвала ее «термосом». И какая-то снедь, завернутая в грубую бумагу – ого, удивилась Эри, адапты, выходит, бумажное производство освоили! И фонарь, и коробка длинных самодельных спичек, и запасные варежки. Все это добро Лара упаковала в небольшой рюкзак. На протесты Эри – спасибо, мне ничего не нужно, – только фыркнула.

Сейчас Эри адаптской запасливости порадовалась. Масляный фонарь освещал дорогу, помогая не потерять оставленный лыжами след. Правда, в одном месте Эри все же запуталась, едва не свернула в лес, но быстро поняла свою ошибку и вернулась. Лыжня, странно прервавшись в месте поворота, оказывается, продолжилась дальше.

– Скорее, миленькая, – обращаясь к лошади, попросила Эри. – Мы должны их догнать!

Прошло два часа. По обе стороны широкой снежной полосы, бывшей до того как все случилось автомобильным шоссе, потянулись полуразрушенные дома. Брошенное поселение было не первым: Эри видела подобные и когда Сашка вез ее в Бункер, и здесь, на южной дороге, проехала уже два похожих.

До того как все случилось, в этих домах жили люди. Сейчас они сосредоточились в каких-то других, более удобных для проживания местах. Из рассказов взрослых Эри знала, что поселки адаптов редки и немногочисленны. Большинство бывших городов лежит в руинах, постепенно зарастая лесом, покрываясь мхом и забвением... Бр-р-р. Эри зябко передернула плечами. Плотнее затянула намотанный на шею платок.

И вдруг лошадь, громко заржав, встала как вкопанная – Эри от резкой остановки уронила фонарь и едва не полетела в снег.

– Ты чего?! – рассердилась она.

Лошадь снова заржала, как будто оправдываясь. А в следующую секунду Эри поняла, в чем причина остановки. Находящийся поодаль дом, напротив которого остановилась лошадь, был обитаемым. Лыжный след здесь сворачивал с дороги и упирался в крыльцо – занесенное снегом, но с протоптанной на ступенях дорожкой следов.

Догнала!

– Спасибо, моя хорошая! – Эри соскочила с саней. Погладила лошадь по морде и, проваливаясь в снег, бросилась к дому.

Она уже разглядела, что из закрытых щелястыми ставнями окон пробивается свет. И запах дыма почувствовала – адапты, должно быть, топили печку.

Дверь дома приоткрылась, но навстречу Эри почему-то никто не вышел.

– Эй! – громко позвала Эри. Она в очередной раз застряла в сугробе. – Серый! Мрак! Ух, как я рада, что вас нашла!

– Стой, где стоишь, – раздалось из-за двери.

Эри подавилась следующей фразой и замерла. Звонящий страхом и неприязнью голос не принадлежал ни Серому, ни Мраку.

Глава 7

Серый. Приют. 25 км. от Бункера

Парни спешили, как могли: очень уж было интересно, что за сани проехали по дороге и откуда они взялись. Через час Мрак вдруг поднял руку и остановился.

Серый тоже притормозил:

– Чего?

– Дымом пахнет. Чуешь?

Серый принюхался. Действительно, пахло дымом – еле уловимо, если бы не Мрак, и внимания бы не обратил.

– Скоро, вроде, приют должен быть, – вспомнил Серый, – может, из наших кто? Печку топят?

Мрак пожал плечами. И махнул рукой, призывая поспешить.

Снег на дороге, на съезде к приюту, оказался плотно утоптаным лошадиными копытами, санными полозьями и человеческими следами. Однако ни саней с лошадью, ни людей поблизости не наблюдалось. А запах дыма усилился.

Серый взгляделся в темноту, рассматривая дом в отдалении – бревенчатый, с двускатной крышей, небольшой и приземистый. Он знал, что до того как все случилось в таких строениях хозяева устраивали бани. Охотники и разведчики предпочитали для приютов небольшие помещения – быстрее протопится. Выведенная на крышу металлическая труба, кажется, не дымила... Так откуда же запах?

– Что за... – обращаясь к Мраку, начал Серый, но не договорил.

Не успел – Мрак ринулся к приюту.

У крыльца выпрыгнул из лыж, взлетел по ступенькам вверх и дернул дверь. Та не поддавалась. Серого звать не потребовалось, уже сам спешил на помощь.

Двойного напора дверь не выдержала. Громко всхлипнув, распахнулась – Мрак едва на ногах устоял. А из распахнутой двери повалил дым.

Парни закашлялись. Переглянулись. Мрак сунулся было внутрь, Серый поймал за рукав:

– Стой! Надо мокрую тряпку на морду, а то дымом потравимся.

Тряпку... Легко сказать. Где ее взять-то? Мрак сообразил первым: извальял в снегу шапку, прижал к лицу. Пока Серый елозил по снегу своей шапкой, скрылся внутри приюта.

Снаружи, в ночной темноте глаза обоих адаптов видели отлично. В помещении, в крошечном дыму, Серый через несколько шагов воткнулся лицом в спину Мрака.

– Окна открывай! – крикнул тот и мгновенно закашлялся. Зато, как оказалось, уже нащупал и толкал оконную раму.

Серый изо всех сил старался не кашлять, помнил, что на пожаре последнее дело – захлебнуться дымом. Дыша сквозь мокрую, холодную шапку, пробрался ко второму окну. Мрак наконец справился со ставнями, открыл свое. В дом хлынули свежий воздух и отраженный от сугробов лунный свет. Серый, повозившись, распахнул второе окно. И услышал, как за спиной охнул и выругался Мрак.

– Ты чего? – Серый обернулся.

В комнате царил угар, мутные полосы дыма стелились по полу, тянулись в распахнутые окна и дверь. Но то, что Мрак стоит на коленях у печки, Серый разглядел. Мрак поднимал с пола человека.

– Жива? – на улице парни, подстелив куртки, уложили бункерную девчонку на снег. Серый расстегнул ей воротник, размотал платок. Мрак настороженно замер на коленях рядом.

Серый прижал ухо ко рту девчонки, прислушался. Ладонь положил на шею, щупая пульс. Поймал под пальцами биение артерии. Уфф! Жива. Серый шумно выдохнул. А дыхания девчонки не уловил, как ни старался.

– Пульс есть, дыхания нет, – бросил Мраку, – искусственное надо. Притащи ей что-нибудь под голову.

Подгонять Мрака не требовалось – пока Серый скручивал в комок варежку, приволок откуда-то два полена. Свернутую варежку Серый, как учила Лара, зажал между челюстями девчонки, чтобы случайно не сомкнула зубы. Под голову, запрокинув ее повыше, пристроил поленья. Зажал девчонке нос. И, набрав полную грудь воздуха, прижался ртом к ее губам.

Эри

- Але! Ну как ты? – сознание возвращалось откуда-то издалека.
Эри знала этого человека – того, кто ее тербил. Точно знала, но не могла вспомнить имя.
– Узнаешь? – светлые адаптские глаза встревоженно заглянули ей в лицо. – Я – Сергей.
Это – Мрак. Ну?.. Помнишь?
Эри вспомнила. И даже попыталась сказать «да», но закашлялась.
– На, попей. – В подбородок ткнулась горячая металлическая кружка.
Эри послушно отпила.
– Сама держать можешь? – Серый взял ее за руку, заставил обхватить кружку ладонью. – Ну, во! Молодец. Как там Джек говорит?
– Стакан не роняешь – здоров, – буркнул Мрак. – Где Сашка?
Эри смотрела непонимающе.
– Пацан, который тебя вез, – нетерпеливо пояснил Мрак, – куда он делся? Сани-то спёрли, мы поняли. А Сашка где?
– И как ты вообще сюда попала? – вклинился Серый. – Бункер ведь в другой стороне?
Эри попыталась собрать в кучу сходящиеся мысли. Поняла, что на объяснения, как она сюда попала, сил точно не хватит. Попробовала сказать хоть что-то:
– На ме... ня... напали.
– Кто?!
– Не зна... ю.
– Нда, – вздохнул Серый. – И то верно, откуда тебе знать? В первый раз из Бункера вылезла... Как хоть одеты были, разглядела? В рваньё, поди?
Мрак скептически скривился:
– Дикие?.. Да ладно! Их еще Герман отвадил.
– Отвадил, – согласился Серый, – да только когда это было? Мало ли, как на Диких зима действует, может, последние мозги отморозили. И то сказать – кто б на нее еще напал, кроме Диких?
– Нет, – выдавила Эри.
– Что – «нет»?
– Не... в рваньё.
– Вот, – кивнул Мрак, – какие на хрен Дикие?
– А кто тогда? – Серый нахмурился.
– Они... меня... стукнули, – невпопад пожаловалась Эри, – по... голове.
И тут же почувствовала, как сильно болит затылок. Вспомнила, как ее огрели чем-то – подлю, со спины. И не сумела сдержать тошноту, едва успела отодвинуться от Серого.
– Сотряс. – Серый придержал Эри за плечи. Диагноз он поставил уверенно и деловито, будто настоящий врач. В голосе не было ни испуга, ни брезгливости.
Эри заплакала бы, если б могла. Но она не могла и не знала, от чего больше мучается: от жгучей рвоты, сотрясающей тело, от боли в затылке или от осознания того, что ее прилюдно тошнит. Разговор парней долетал, как сквозь вату.
– Догонять надо, – объявил Мрак, – вдруг Сашка у них?
– Блин, да у кого – «у них»?!
– А я знаю?
– Сашка... не с ними, – попробовала успокоить Мрака Эри. Закончив выворачиваться наизнанку, вытирала рот дрожащей ладошкой. Смотреть на парней было неловко, но не вмешаться не смогла – слишком уж тревожился за брата Мрак. – Я тут одна... была.
– А Сашка куда делся?

– Домой... пошел.

– Да чего ты несешь-то?! – рассердился Мрак. – Какой, на хрен, «пошел» – пешком по сугробам? В жизни не поверю, что он тебя бросил!

Серый поморщился:

– погоди, не ори. Видишь, не соображает девка. – Он развернул Эри лицом к себе. Раздельно, подчеркнуто внятно спросил: – Сашка – дома? Так?

Измученная Эри кивнула.

– Уверена?

Эри кивнула еще раз.

– Потом расскажешь, как так вышло?

– Да, – выдавила Эри, чувствуя, что от кивков снова подступает тошнота.

– Все, – бросил Мраку Серый, – отстань от нее. Подожди, пока очухается.

Мрак еще поколोल Эри недоверчивым взглядом, но расспросы прекратил.

– Тогда валить отсюда надо, – подумав, объявил Серому он. – Хрен знает, что это за уроды. Вдруг вернутся? Были б мы с тобой вдвоем, так я бы первый знакомиться пошел. А с таким приданым... – Мрак указал подбородком на Эри.

– Да уж. – Серый вздохнул. – И не дойдет ведь сама, тащить придется... Была б здоровая, лыжи бы прицепили. А она, вон, на ногах не стоит... Как хоть ее? На закорках? – Серый по-прежнему придерживал обессиленную Эри, обняв за плечи. Она догадывалась, что, если бы не адапт – рухнула бы навзничь. – И куда ее? Домой, в поселок?

– Возвращаться? – недовольно обронил Мрак.

Парни замолчали.

Об адаптских суевериях, в числе которых не на последнем месте фигурировало «возвращаться – плохая примета», Эри не знала. Она выхватывала из беседы Серого и Мрака отдельные слова и поняла лишь то, что ее собираются куда-то тащить. Куда – сейчас уже не имело значения. Эри хотелось одного, лечь и закрыть глаза.

– А до следующего приюта далеко?

– Да почти как до дома. Он в стороне стоит, свернуть придется.

– Угу.

Опять молчание.

– А если ее к южанам отвезти?

– Сказал, тоже. Сдалась она им.

– Ну, не сдалась – так ведь не выгонят же? Человек, все-таки. Да еще из Бункера, Вадя ее искать будет.

– Угу. И отец будет.

– Ну, вот! Значит, до южан они рано или поздно доберутся. А мы с тобой южанам расскажем, что здесь чужаки лезут – может, пригодится. – Серый подумал, перевел взгляд на рюкзак Мрака. – Зайца, вон, можем подарить.

– Так это ж ихний заяц?

– И чего? На нем не написано, что их... – Серый замолчал, оборвав себя на полуслове. – Слушай, Мрак! А это ведь ни фи́га не южан капканы. Следы-то сюда привели – значит, капканы ставил тот, кто девку по башке огрел! Да еще закрыл в чадящем доме. Приди мы попозже – точняк, не откачали бы, хоть полночи с ней целуйся. А все бы думали, что сама дура – печку рано закрыла, да задохнулась.

– Дак они, видать, того и хотели, – буркнул Мрак, – чтобы так думали.

Серый нахмурился:

– Похоже на то... Эй, ты чего?! – Эри, снова потерявшая сознание, осела в его руках.

Она уже не видела, как парни мастерили из ремней и веревок подобие кресла. Не почувствовала, как ругающийся Мрак взгромоздил ношу на спину, и как процессия с черепашьей скоростью двинулась в сторону ближайшего поселка южан.

Через два часа к приюту примчался запыхавшийся Рэд. Он мало что понял из сбивчивых объяснений Сашки и неся по следу, оставленному санями.

Заглянул в прокопченный, успевший выстудиться, дом. Выругался, ничего не разобрав в мешанине следов на снегу. Закрыл окна приюта, захлопнул дверь и, тревожась все больше, снова бросился в погоню – ничего не понимая, но чувствуя, что надо спешить. Однако догнать сани не сумел. Поднялась пурга, следы заметало на глазах. Рэду пришлось вернуться.

Серый

О поселке южан Серый знал только то, что здешнего главного зовут Егором. Сам этого человека никогда не видел, только слышал имя, изредка мелькавшее в разговорах отца с другими взрослыми.

Жители Дома у источника с южанами пересекались нечасто, здешнее население отличалось замкнутостью. И, если с теми людьми, что жили в поселках, составивших когда-то Цепь, товарообмен – наряду с обменом новыми технологиями, изобретениями, женихами, невестами, новостями и сплетнями – шел непрерывно, то о южанах в Доме у источника знали немного. По правде сказать, узнавать не очень-то и стремились. Южане отвечали взаимностью. Так было при Германе, так продолжилось, когда главой поселка стал Кирилл.

Егор оказался крепким, коренастым мужчиной лет сорока. Серого с Мраком он встретил настороженно.

– Чего надо? – приветствие глава поселка опустил.

– Здрасьте, – Серый решил быть вежливым. – Задневать бы нам. И, вот... хотели попросить разрешения девушку у вас оставить. Ненадолго, максимум на пару ночей. Она плохо себя чувствует.

– Вижу, что плохо. – Егор разглядывал Эри, едва держащуюся на подламывающихся на ногах. – Белая, что твой снег...

– Она из Бункера, – объяснил Серый, – заблудилась.

– По грибы ходила? – хмыкнул Егор. – Или по ягоды? С каких это пор тут бункерные шастать начали?

– Она не тут потерялась. – Серый сам понимал, что несет ерунду, но ничего более убедительного не придумалось. Да и удивился, честно говоря, такому холодному приему – того, что южане к ним с поцелуями кинутся, не ждал, конечно, но вроде и волком глядеть Егору было не с чего. – Еще там, у себя. А мы, это... охотились. Ну и вот.

– А с чего ж ее так нахлобучило? Еле на ногах стоит.

– Так ведь бункерная, – объяснил Серый, – к холоду непривычная. – Подумал, что рассказать Егору о странных чужаках еще успеет. Если вообще соберется рассказывать.

«Болтай поменьше, слушай побольше, – наставлял Серого в приложенной к письму «инструкции» Кирилл. – Знаю, что ты трепло, сам таким был. Поэтому прошу, запомни: слова – штука коварная. И спасти, и погубить могут. С чужими людьми – сначала думай, потом говори».

– Замерзла она, устала.

– Точно не больная? – Егор придиричиво разглядывал Эри.

– Да не! Здоровее нас с тобой, умоталась просто. Нам бы ее в тепло куда-нибудь.

– Ладно, – решил Егор, – домов пустых не жалко. Вон, хоть туда заходите, – он махнул рукой, указывая на стоящий чуть в отдалении дом. – Оттопите – будет вам тепло. Там буржуйка, быстро нагреется. Дров дам, пожрать бабы сгоношат... Но по поселку чтоб не шляться! Хрен знает вашу девку, вдруг заразная.

– Да не заразная она!.. Ладно. – Серый решил не спорить. – Спасибо, командир.

– Надо было все-таки в приют идти.

Буржуйка и правда быстро нагрелась, но Серый знал, что это тепло обманчиво. Долго металлическая печь его не удержит, придется топить снова. Эри парни уложили на кровать, придвинули ее поближе к печке. Помимо кровати, в доме обнаружился диван.

– Раскладывается, – повозившись с диваном, объявил сидящему за столом Мраку Серый. – Вдвоем с тобой нормально поместимся – а в приюте кому-то на полу спать пришлось бы. Чего ты ворчишь?

– Не нравится мне тут, – проворчал Мрак. – Стремный он какой-то, этот Егор.

Серый пожал плечами:

– Да и ладно, не жениться, поди. Завтра девку скинем, да дальше потопаем.

– Меня зовут Эри, – внезапно объявила с кровати «девка». Серый у дивана вздрогнул – думал, она дрыхнет. – И не надо меня, пожалуйста, скидывать.

Мрак, наворачивающий принесенную какой-то женщиной – очевидно, по распоряжению Егора – похлебку, подавился и закашлялся. Серый повернулся к девчонке:

– В смысле – «не надо»? А куда тебя девать? С нами на юг пойдешь?

– Да! – Она аж вскочила, глазищи так и засверкали. – Я и сама хотела попросить, но плохо себя чувствовала. Спасибо, что предложил.

– Ты, походу, и сейчас – того, – Серый подошел к ней, постучал пальцем по лбу, – неважно чувствуешь! Опуцела совсем? Какой тебе юг?

– Там, видать, в дровах конопля была, – предположил откашлявшийся Мрак, – в приюте. Вот и растарашило.

Серый кивнул:

– Похоже, ага. То у нее Сашка домой пошел, то теперь с нами собралась.

– Какая еще конопля? – Девчонка смотрела непонимающе.

– Да не какая, – фыркнул Серый, – а офигеть до чего забористая! Ну, либо шторы ты нам вешаешь.

– Чего? – снова непонимающий взгляд.

– Врешь, – бухнул Мрак.

– Я не вру! – Девчонка всплеснула руками. – Саша дома, честное слово! Мне уже лучше, и я могу рассказать, что произошло. Только, пожалуйста. – Она просительно посмотрела на Серого, на Мрака. – Пообещайте, что возьмете меня с собой.

– Угу. Возьмем, обязательно! И тебя, и печку, – Серый кивнул на буржуйку, – и перину с кровати. А то больно мало на себе прём и едем слишком быстро... Не дури, слышь! Как вообще додумалась до такого?

– Ах, так? – Эри набычилась. – Тогда и я ничего не буду рассказывать.

Серый сдвинул брови. Терпеть не мог, когда ему ставили условия, с мамкой из-за этого все детство собачился.

– Не будешь, значит?

Мрак, громко отодвинув стул, встал из-за стола. Угрожающе двинулся к дивану. Попросил:

– Серый, ну-ка отойди. Ща я с ней сам разберусь. Так запоем – не остановишь.

Девчонка испуганно сжалась.

Правильно, так тебе и надо. Раз не хочешь по-хорошему, будем пугать.

– Окей, пойду Егора поищу. – Серый поднялся. – Он зайти просил... Только по морде не бей, а то в Бункере не опознают.

– Я аккуратно, – с людоедской ухмылкой пообещал Мрак и принялся засучивать рукава свитера.

Девчонка взвизгнула. Соскочила с кровати и бросилась к Серому.

– Не уходи! Пожалуйста! – за руку уцепилась – не оторвешь.

Серый повернулся к Мраку. Хотел небрежно бросить: «Разденься, а то вспотеешь», но вдруг застыл. Как будто Мрака другими глазами увидел.

Разглядел, какой у него, оказывается, жуткий оскал. Какие огромные кулаки. Как страшно они сжались, как побелел шрам на тыльной стороне ладони – наверняка в драке полу-

чил! Ему уже доводилось бить людей, это точно. Какой же он мерзкий, до чего же страшно... Спрятаться бы, но куда?!

Рука Серого сама схватила девчонку, задвинула за спину.

– Не трожь ее, – сами выговорили губы.

– Серый... – у Мрака отвисла челюсть. – Ты чего?

Кулаки Мрака разжались, руки опустились. Получилось! Серый едва не взвизгнул от радости... Блин, да что происходит?!

Он зажмурился, встряхнул головой. Наваждение отступило. Перед ним стоял Мрак – лучший друг, на которого только что едва не кинулся.

Серый резко повернулся к девчонке. И прочитал в ее перекошенном от досады лице подтверждение: секунду назад он был не собой. А вот этой бункерной дрянью.

– Та-ак. – Схватил девку за плечи и, не обращая внимания на визг, потащил к дивану. Швырнул на сиденье. Придвинул стул, уселся. Пообещал: – Или ты сию секунду выкладываешь всё как на духу – или я тебя к Сталкеру тащу! Хрен с ним, что время потеряем, мозги дороже... Что тут только что было? И как ты Сашку заставила уйти? Ну?!

Девчонка всхлипнула. И громко, с подвываниями, разрыдалась.

Глава 8

Эри. Видное. 53 км. от Бункера

Эри не любила книги и фильмы с плохим концом. В детстве, даже дочитав книгу или досмотрев фильм, верила, что всё еще как-то образуется. Ромео и Джульетта на самом деле не умерли, герой «Титаника» не утонул, а Белый Бим Черное Ухо обрел хозяина. Просто автор книги не успел об этом написать, а режиссер фильма – снять продолжение, в котором все будет хорошо.

Эри выросла, но вера в чудо не уходила. Решение найти отца подчинялось именно этой вере: все получится само. Стоит лишь сделать первый шаг, а дальше найдутся люди, которые помогут. В детстве всегда было так, в Бункере непременно находились те, кто был готов помочь Эри получить желаемое или исправить то, что она нечаянно натворила.

Адаптский мир оказался совсем не похожим на тот, к которому привыкла Эри – здесь все были заняты своими делами, а чужие никого не беспокоили. Никто не спешил взваливать на себя проблемы другого. Сталкер открытым текстом объявил Эри, что не готов за нее отвечать. Женщины – Лара, Даша, – хоть и казались добрыми, пальцем не шевельнули ради того, чтобы оставить Эри в поселке. Тоже, видимо, побоялись.

Эри так надеялась на Серого и Мрака! Не сомневалась, что стоит только догнать парней, как ее дальнейшая судьба решится. Трудно им, что ли, взять Эри с собой? Для чего заставлять ее рассказывать о Сашке? Им ведь русским языком сказали: он дома. Зачем нужны подробности?.. А самое обидное – она ведь не собиралась звенеть! Случайно получилось, оттого, что очень испугалась. Волчьей стаи так не напугалась, как Мрака. Может быть, потому, что тогда на дороге не очень понимала, что происходит, отчего лось вдруг побежал.

Даже когда увидела стремительно приближающиеся темные фигуры, опасность не почувствовала. Наоборот – ощутила азарт! Предвкушение! Гораздо позже с ужасом поняла, что это ощущала не она, а транслировала свои эмоции стая. Страшно Эри стало лишь тогда, когда на лося бросился первый волк.

Она четко, будто на экране, увидела, как сверкнули в темноте зубы, как из прокушенной шеи лося хлынула кровь. А с другой стороны уже кинулся второй волк, потом третий – а потом лось упал, придавив Эри собой. Что происходило дальше, она не видела. Наверное, хорошо, что не видела. Впала в странное состояние – если бы спросили, сколько времени прошло с того момента, как их догнала стая, до того, как Серый и Мрак отодвинули в сторону истерзанную тушу, не ответила бы. Шок, должно быть. Кажется, он именно так проявляется.

А вот Мрака Эри по-настоящему напугалась. Стало ясно, что от решения узнать судьбу брата адапт не отступится, и правду из «бункерной» вытрясет. А вытрясать ее, судя по всему, умеет только одним способом – кулаками.

И вот тут-то Эри испугалась, идущая от Мрака волна решимости только что с ног не сбивала. И не смогла проконтролировать страх, непроизвольно захлестнула Серого. А тот, в свою очередь, почувствовал чужое влияние. И сумел избавиться от наваждения, безошибочно определив его источник.

Эри всхлипывала.

– Я не хотела, – крикнула она, – правда, не хотела!

– Блин, да хорош рыдать, – рассердился Серый, – без сопливых скользко! Мы с Мраком, небось, за всю жизнь столько не наревели... Уймись и рассказывай.

– Что? – всхлипнула Эри.

– Сказку про репку!.. Что ты за чучело такое, и почему из Бункера удрала – раз. Как Сашку спровадила – два.

– Только правду говори, – предупредил Мрак, – хватит вранья.

– Я вам не врала!

– Угу, – кивнул Мрак, – ты помалкивала. Те же яйца, только сбоку... Говори, ну?

– Мы тебя спасли, между прочим, – с упреком добавил Серый. – А ты человеку объяснить не хочешь, что с его братом случилось.

– Да все хорошо с его братом. – Эри опустила голову. Вздохнула. – Думаете, это просто – про себя рассказывать?

По лицам адаптов поняла, что вряд ли их волнуют ее чувства.

– Если скажете, что вру, – предупредила Эри, – дальше рассказывать не буду, так и знайте! В общем... Я – приемник. – Это слово Эри вычитала еще в детстве, в какой-то технической брошюре, и поняла, что оно ей нравится. – И транслятор, одновременно. Я умею распознавать чувства других людей и могу транслировать свои. Иногда это получается непроизвольно – вот, как сейчас. Иногда я... э-э-э... действую осознанно.

Адапты переглянулись.

– Тебя такой специально сделали? – Серый, кажется, не шутил.

– То есть?

– Ну... вы ж не рождаетесь, вы искусственные. Эмбрионы по молекулам собирают.

– Дурак. – Эри обиделась. – Где ты этой ереси набрался? Никто ничего не собирает. Просто для продолжения рода используют наиболее сильные, жизнеспособные клетки. Тех, кто сможет принести наибольшую пользу обществу, и... Ой. – Эри осеклась.

Серый хмыкнул:

– Вот именно. Я ж про что и спрашиваю – тебя такую сделали?

– Нет! – Эри попыталась вскочить, Серый удержал. – В том и дело, что нет! То есть, это я раньше так думала. Не знаю, чего Вадим Александрович хотел изначально, но что-то явно пошло не так. Такой результат, как я... ну, в общем, не планировался. Я не должна была родиться такой... В Бункере меня бояться – вот, как вы сейчас.

– Да нужна ты кому, – буркнул Мрак. – Что с Сашкой сделала, колись?

– Я... – Эри не сразу подобрала слово, – попросила его заснуть. А перед этим он мне показал, как управлять лошадью.

– Попросила? – скептически повторил Мрак. – Это как? А ну, покажь на мне.

– Да пожалуйста, – рассердилась Эри.

Уставилась на Мрака, зазвенела.

«Ты хочешь спать. Ужасно хочешь! Глаза сами закрываются».

Мрак сидел, настороженно глядя на нее, и засыпать явно не собирался. А Эри почувствовала, как уперлась в ту же ледяную стену, что и у Сталкера.

– Так нечестно, – предприняв еще одну попытку, объявила она, – ты знаешь, что я буду зве... воздействовать, и сопротивляешься. А Сашка не знал. Расслабься.

– Да я не напрягался. – Мрак пожал плечами.

Они с Эри снова уставились друг на друга.

«Ты хочешь спать. Ужасно хочешь! Глаза сами закрываются»...

– Не могу. – Ледяная стена, казалось, только прибавила в толщине. У Эри заломило в висках, она схватилась за голову. – Со Сталкером так же было... Ничего не понимаю.

– Зато я понимаю. Гонишь ты всё. – Мрак смотрел недобро.

– Подожди, – примирительно вмешался Серый. – Ну-ка, на мне попробуй.

Эри повернулась к Серому.

«Ты хочешь спать, – пересиливая наступающую мигрень, зазвенела она. – Ты с трудом на стуле держишься! Глаза слипаются, голова опустилась, упадешь сейчас...»

– Твою ж мать! – Мрак вскочил. Подхватил обмякшего Серого. Встряхнул. – Але! Серый, ты живой?

– Да... – не сразу открыв глаза, выговорил Серый. – Мрак. Отстань от нее. Она не врет. – Потверже сел на стуле. – Она реально умеет усыплять. Без понятия, почему на тебя не действует.

– Возможно, наследственность, – угрюмо предположила Эри. – Со Сталкером так же было. У вас обоих будто защита включается... Тем более, ты должен меня понять! – умоляюще посмотрела на Мрака. – Мой отец – из ваших, я точно знаю. Гены тех, кто живет в Бункере, почти не мутируют – там биосфера чистая, мутагенов мало. Значит, я такая из-за отца. А нашим... ну, в Бункере... неудобно со мной. Они не могут принять меня такой, какая есть... Поэтому я и сбежала. Мне важно найти отца – а он из вашего поселка, Сталкер подтвердил.

– Да ладно? – Серый и Мрак вскинулись одновременно.

– Сталкер знает, кто мой отец, – кивнула Эри. – Сказал, что он ушел вместе с Кириллом.

– И кто это?

Эри опустила голову:

– Я не спросила.

Мрак присвистнул:

– Во дура!

Эри вскинулась, собираясь объявить: «Сам дурак!», но тут раздался стук в дверь. Предупреждающий – приглашение визитеру не требовалось.

В следующую секунду дверь распахнулась, и в дом вошел Егор.

– Здрасьте.

Адапты и Эри вразнобой покивали. Егор снял шапку. Обводя гостей глазами, отряхнул о колено снег. Пояснил:

– Метет шибко. Вовремя вы до нас добрались... Ну чего, как тут?

– Нормально. – Серый встал.

– Девка оклемалась? – Егор приглядывался к Эри.

– Ага. Чаю, командир? Или чего покрепче?

– А давай. – Егор пристроил шапку на вешалку, стащил ватник. Обстучал о порог валенки, подошел к столу и уселся. – Чем угощаешь?

– Клюквенная. – Серый порылся в рюкзаке, вытащил плоскую флягу. – Мачеха настаивала! Мрак? – кивнул товарищу.

Тот заглянул в буфет с разохшимися, когда-то застекленными, а сейчас сохранившими только рамы, дверцами. Вытащил толстостенные стаканы, скептически посмотрел на просвет – даже Эри с дивана было видно, какие они пыльные. Мрак сполоснул стаканы из чайника, поставил на стол.

– Здесь давно не живут, – пояснил запущенность помещения Егор. – Неоткуда нам гостей ждать, так что вот... не подготовились.

– Да и ладно, мы не капризные. Спасибо, что приютил. Наливай, Мрак.

Мрак аккуратно, четко поровну, налил в три стакана мутной, чуть розоватой жидкости из фляжки. Оглянулся на Эри. Вопросительно посмотрел на Серого.

– Не надо ей, – качнул головой тот. Мрак пожал плечами – не надо, так не надо. Саму Эри не спрашивали.

– Ну, будем знакомы. – Стаканы сдвинулись.

– Ух, хороша! – Егор зажмурился. – Передай мачехе, что дело знает. – Показал большой палец. – А ты чей будешь-то?

– Кирилла сын. Который из Бункера.

Егор покивал:

– Знаю. Знаком маленько.

- Он к вам не заходил? – вырвалось у Серого.
- В поселок – нет, а мимо шли, – кивнул Егор. – Давно, правда, еще весной, наши их на дороге встретили... С тех пор-то ничего не слышать. Поди, сто лет уж, как вернулись?
- Пока нет. – Серый отвел глаза.
- Егор сочувственно поцокал языком и дальше расспрашивать не стал.
- Ты говорил, вроде, девку хочешь оставить? – перевел разговор он.
- Серый кивнул:
- Ага, если можно. Ненадолго, за ней скоро придут. Либо Сталкер, либо из Бункера.
- Об Эри по-прежнему разговаривали, как о домашней скотине. Девушка с трудом сдерживала злость, но решила не вмешиваться.
- Так оставляй, делов-то. Вот, хоть прям тут пусть и живет.
- Кажется, Егор на полном серьезе считал, что Эри можно оставить одну в стильном, запущенном доме – без электричества, водопровода и с туалетом «в сенях», как выразились адапты. То есть, на почти уличном холоде! Но насторожило Эри не это. Ей не нравился Егор.
- Когда встретил их у поселка – хмурый и раздосадованный явлением незваных гостей, он был честен, фальши Эри не чувствовала. Сейчас, выглядящий гостеприимным и благодушным, Егор если и не врал, то явно что-то не договаривал.
- Через две ночи, говоришь, за ней придут?
- Серый развел руками:
- Как погода. Если пурга ляжет, так, может, и раньше. Но через две ночи – думаю, край.
- Ну так, стало быть, пусть остается. – Егор поднялся. – Сами-то рано уйдете?
- Засветло. Торопимся.
- Понимаю, – Егор уважительно кивнул. – Ну, как говорится, спасибо этому дому. Пойду...
- Подождите, – звонко окликнула Эри. – Скажите, пожалуйста, вы встречали где-нибудь здесь, неподалеку, чужих людей?
- Егор нахмурился. Эри поняла, что вопрос ему не понравился.
- Каких-таких «чужих»?
- Ну... не из вашего поселка и не из того, где Сталкер. Совсем чужих?
- А видать, здорово она у вас поморозилась, – обращаясь к Серому, с наигранной веселостью заметил Егор. – Откуда здесь чужие? Диких-то лет двадцать никто не видал.
- Угу. И я говорю, – проворчал Мрак.
- Видать, правда с холоду клинит, – к возмущению Эри, поддакнул Серый. – Вот и несет черню... Ты иди, командир. Мы тут сами разберемся.
- Егор хохотнул. Пожал руки Серому, Мраку, неодобрительно глянул на Эри и вышел. А Серый мгновенно, одним неуловимым движением оказался возле девушки и зажал ей ладонью рот.
- Чтоб не брякнула чего, – чуть слышно объяснил он Мраку. – Подождать надо, пока мужик уйдет.
- Мрак, если и удивился, никак это не показал. Пожал плечами – дескать, тебе виднее, подошел к окну и прижался лицом к щелястым ставням. Серый держал Эри в захвате до тех пор, пока Мрак не отлепился от окна и не объявил:
- Ушел.
- Серый отпустил Эри. Разрешил:
- Говори.
- Он врет, – выпалила Эри, – этот Егор! Он знает о чужаках! Почему ты не спросил? Ты ведь тоже догадался, что знает! Я слышала.
- Потому что он бы все равно правду не сказал. – Серый потер виски. – Выгнал бы нас, да и все... Давно в сугробе не спала?

Эри прикусила язык. Серый и впрямь оказался дальновиднее, чем она.

– С чего вы взяли, что он врет? – бросил Мрак. – Эта, – кивнул на Эри, – ладно... А ты-то с чего?

Серый прищурился:

– Помнишь, он сказал, что у них гостей не бывает? И в этот дом, дескать, сто лет никто не заходил?

– Ну. Так, никто и не заходил, по стаканам видать! Пылищи на них – километр.

– Это на стаканах километр. А тарелки – вот. – Серый подошел к буфету. Вытащил суповую тарелку, показал Мраку. – Видал? Я это, еще когда обедать сели, срисовал, только внимания не обращал – пока это чучело к Егору не прицепилось. А что на стаканах пыль – так, видать, непьющие гости были, не то что мы. А тарелки с кружками всем нужны – видишь? – Серый вытащил керамическую кружку, разрисованную выцветшими незабудками. Пыли на ней, как и на тарелке, не наблюдалось.

Мрак тоже подошел к буфету. Постоял рядом с Серым, разглядывая кружку. Для чего-то взял ее у Серого и постучал дном о ладонь. Оглянулся на Эри. И спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ну и что теперь делать?

Серый

– Все. Больше не могу. – Бункерная повалилась в снег.

Серый, скрестив на груди руки, застыл над ней. Он не понимал, чего хочет больше – отвесить девчонке пинка, чтобы катилась с глаз долой, или сесть рядом и пожалеть – как сестер, когда коленки разобьют.

– Мрак, – окликнул он, – стой.

Мрак, топтавший лыжню впереди, остановился. Оглянулся. Сплюнул со злости, прикатился назад:

– Опять?

– Ну да. – Серый сел на корточки. – Совсем идти не можешь?

– Совсем. – Девчонка, кажется, даже голову подняла с трудом.

– Что с ней делать-то? – Серый взглянул на Мрака.

– В сугробе зарыть, – буркнул тот, – я с самого начала говорил.

Девчонка с обидой посмотрела на Мрака:

– Я же не нарочно!

– Если бы нарочно, давно бы закопали, – огрызнулся тот.

Вытащив ноги с пристегнутыми лыжами, повалился на снег рядом с девчонкой. Вытащил из кармана портсигар, зубами выдернул сигарету. Закурил.

– Может, все-таки, отдохнет – очухается? – без особой надежды предположил Серый.

– Да хрен там! В прошлый-то раз еле встала. И, часу не прошло – опять завалилась. А тогда мы ей долго отдохнуть дали. Если сейчас столько проваляется, дальше можно не идти. Светать начнет.

Серый вздохнул, соглашаясь.

– Надо место искать, где кости кинуть. Раз в поселок соваться, Егор сказал, не стоит.

– Я, кстати, так и не догнал, почему не стоит.

Серый пожал плечами:

– Я тоже. Чужаков, он сказал, там не любят... За что не любят – черт его знает. А, главное, каких чужаков? Я тогда-то не сообразил спросить, а сейчас дошло: откуда тут вообще чужакам браться?

– Вот, то-то и оно, – кивнул Мрак. – Мутит он что-то, этот Егор.

– Он не хотел, чтобы вы шли в тот поселок, – ни с того ни с сего вмешалась бункерная.

Парни дружно повернулись к ней:

– Почему?

– Не знаю. Но точно знаю, что он этого не хотел.

Серый с Мраком переглянулись. Накануне днем долго совещались, решая, что делать с бункерной.

Тащить с собой означало снизить скорость передвижения вдвое, и во столько же раз увеличить объем сопутствующих неприятностей. А оставлять у Егора – после того, как тот врал им в глаза с непонятной целью – черт знает, что вообще означало. Мрак настаивал на том, чтобы оставить девку в поселке, Серый колебался. Совещались они, выйдя на крыльцо – бункерная к тому времени наревелась и вырубилась.

Дело решила брошенная в сердцах фраза Мрака: «Да не прибьют же ее, в конце-то концов!» После этого парни, как по команде, замолчали и уставились друг на друга.

– Уверен? – после паузы спросил Серый. – Что не прибьют? И что не продадут кому-нибудь?

– Да на хрена ее убивать? – огрызнулся Мрак. – И кому продавать? – Но огрызнулся уже без прежней уверенности.

– А на хрена Егор врал про чужаков?

– Без понятия.

– Вот, и я.

Они снова замолчали.

– Никто ведь не знает, что она здесь, – напомнил Серый. – А доберутся досюда Сталкер или Вадя, спросят у Егора: «Девку нашу видели?» – что ему мешает сказать, что не видели? Или что она сбежала? Ведь, куда б Егор ее ни дел – концов не найти.

– Дак, мы же вернемся и правду расскажем?

– Ну, значит точно наврет, что сбежала – чтобы не докопаться. И потом, когда мы еще вернемся? И... – Серый не договорил – вслух про такое не говорят, но по лицу Мрака увидел, что тот понял.

«И неизвестно, вернемся ли вообще».

– Так тем более стремно, с собой-то ее тащить!

– Стремно, – кивнул Серый. – Но здесь оставлять – еще хуже. Там, дальше... там хоть мы с тобой рядом будем. Помнишь, отец в письме написал, что между знакомой опасностью и незнакомой нужно выбирать знакомую?

Против письма Кирилла у Мрака не нашлось что возразить.

Бункерную они, кое-как приспособив к ее ногам запасные лыжи, взяли с собой. А теперь за свое решение расплачивались.

Глава 9

Эри. Барыбино. 96 км. от Бункера

Эри, стуча зубами, пыталась согреться у топящейся печки. Сюда, к этому дому, адапты притащили девушку, смастерив из запасных лыж и наломанного в лесу лапника что-то вроде санок. Дом они выбрали в удалении от поселка южан, который обошли стороной. Из разговоров парней Эри поняла, что дом представляет собой так называемый «приют» – временное пристанище охотников и торговцев на случай, если рассвет застанет их далеко от обитаемых мест.

Сами адапты, как с изумлением выяснила Эри, зимнего солнца почти не боялись. Они прятались утром и выходили на улицу вечером, больше отдавая дань сложившейся традиции, чем опасаясь ожогов. Хотя, возможно, Эри что-то путала. Ей было не до подробностей. Она страшно устала, а сейчас еще и замерзла.

Мерзнуть начала, еще съезжившись на самодельных санках, когда перестала двигаться. Так мечтала оказаться под крышей! До сих пор Эри не приходило в голову, что в помещении может быть не теплее, чем на улице, в Бункере было тепло всегда. Зима на улице или лето, дождь или снег – на температуру в комнате Эри это никак не влияло. И она страшно удивилась, когда, из последних сил перешагнув порог приюта, ощутила не тепло, а едва ли не худший холод.

– По-чему так холодно? – у Эри застучали зубы.

– Холодно? – удивился вошедший вместе с ней Серый. Парни разделились еще на улице: Мрак куда-то уехал, Серый остался с Эри. – Да ладно! Жара.

Эри уставилась непонимающе. Серый вздохнул:

– Шучу, блин! Ясное дело, холодно. Не топил никто сто лет – с чего тепло-то будет? Приют, по всему виду, заброшенный – дров, и тех нет... Ща, погоди. – Серый сбросил со спины рюкзак.

Эри, прислушиваясь к разговорам адаптов, уже поняла, что в «действующем» приюте, согласно неписаным законам дороги, уходящий должен оставить запас дров тому, кто придет за ним. Чтобы тому, кто придет – возможно, чуть живому от холода и усталости – не пришлось заботиться о том, чтобы согреться. Отсутствие дров свидетельствовало о том, что в приюте давно никто не останавливался, поэтому адапты, решившие избегать местных жителей, и привели Эри сюда.

Серый вытащил из рюкзака тугую скатку, после встряхивания оказавшуюся длинным мешком. Расстегнул боковую молнию, и мешок превратился в одеяло. Серый закутал в него Эри. Вытащил из рюкзака термос, налил в отвинчивающуюся крышечку чаю – от напитка повалил пар:

– Держи.

Распахнул дверцу небольшой печки, натолкал в нутро наломанных по дороге толстых веток. Через минуту в печке ярко горел огонь.

– Темно, – пожаловалась Эри, когда Серый захлопнул дверцу.

– А, – вспомнил адапт, – ты ж не видишь ни фиги.

Пошарил на прибитой к стене полке. Обрадовался:

– Есть! – ткнул рукой в печку. Когда вытащил руку, Эри увидела яркий огонек.

– Хоть свечи не растащили... – Серый, оплавив свечу с другого конца, прилепнул ее к стоящему у окна столу.

С той же, прибитой к стене полки, снял и последовательно осмотрел закопченный металлический чайник и такую же закопченную, помятую кастрюлю. Покривившись, бросил:

– Ладно, сойдет, – и вышел.

Быстро вернулся и водрузил чайник с кастрюлей на печку. Принес еще одну охапку веток, их наломал по дороге Мрак.

– Так, ну я за дровами, а ты грейся пока. Этого барахла, – Серый кивнул на сваленную рядом с печуркой охапку, – надолго не хватит, но хоть какое тепло даст. И чайник, может, закипит... Да садись поближе, чего как не родная? – Серый подхватил Эри вместе с низкой скамейкой, на которую обессиленная девушка рухнула, едва войдя, и подтащил ближе к печке. – Мы быстро вернемся, не ссы. За печкой следи и за чайником. Поняла?

Эри через силу кивнула. Серый, явно передразнивая, тоже кивнул. Фыркнул:

– Со скамейки не свались, – и ушел.

Эри допила чай – он остывал гораздо быстрее, чем хотелось. Поелозила, плотнее кутаясь в странное одеяло. От выпитого чая она согрелась, но догадывалась, что это ненадолго, скоро опять начнет мерзнуть.

Эри высунула руку из-под одеяла, протянула к печке. Осторожно коснулась кирпичей – ледяные. Тепло шло только от металлической дверцы, за которой потрескивали горящие ветки.

Так, а Серый ведь наказал следить за печкой. И что это значит, спрашивается? Куда нужно смотреть и что делать? В Бункере, когда взрослые давали какое-то задание, они все подробно объясняли... От адаптов такого не дождешься. Не успела переспросить или уточнить – твои проблемы, через секунду спрашивать будет не у кого. Перемещаются эти парни с бешеной скоростью, как будто гонятся за ними.

Эри вздохнула. Из глубин отмороженной памяти всплыло выражение «подбросить дров». Наверное, читала в какой-то книге – в те счастливые времена, когда в голову не могло прийти, что когда-нибудь придется заниматься «подбрасыванием» самой. Наверное, Серый, наказав «следить», имел в виду именно это – подкладывать новые дрова взамен сгоревших.

Подумав, что о металлическую дверцу можно обжечься, Эри обернула ладонь краем одеяла. Взялась за ручку, потянула дверцу на себя. Вовремя: ветки внутри печурки частично прогорели и просели. Порадоваться своей сообразительности Эри не успела: почувствовала, что пахнет паленым, а в следующую секунду поняла, что пальцам, которыми обхватила ручку, горячо, а запах идет от плавящейся синтетической ткани.

Эри вскрикнула и отдернула руку. Ахнула, увидев, как скукожился и собрался складками пострадавший угол одеяла. Попробовала разгладить – безрезультатно.

От неловкости стало жарко. Эри поджала губы, ругая себя.

Ну как можно было не сообразить, что от соприкосновения с горячей поверхностью синтетическая ткань может оплавиться?! Адапты – не Любовь Леонидовна и не Елена Викторовна, выражений выбирать не станут. И сочувствовать тому, что Эри едва не обожглась, тоже... Серому хорошо: бросил «следи за печкой» и ушел! А она тут как хочешь, так и разбирайся...

Ох. Печка!

Ветки внутри, пока Эри возилась с одеялом, прогорели еще больше. Надо добавить новых.

Эри присела возле охапки на полу. Неуклюже вытащила ветку – длинную, в топку такая не влезет. И что с ней делать? Пилить? Рубить? Эри беспомощно оглянулась по сторонам.

Инструментов адапты ей не оставили. Сами ломали ветки голыми руками, и, судя по всему, считали, что и «бункерная» с этим запросто управится.

На то, чтобы разломать на три части первую ветку, времени у Эри ушло немало. Потом она сообразила, что на один конец ветки можно наступать ногой, так получалось лучше. К моменту, когда вместо принесенной Серым охапки на полу лежала куча огрызков, ладони у Эри нещадно саднили, а содержимое печки почти догорело.

Эри быстро, пока не потухло, принялась запихивать в горящее нутро наломанные ветки. Порадовалась, что поместились не все – значит, попозже можно добавить еще. В этот раз

дверцу она предусмотрительно руками не трогала, толкала дрова щепкой. А потом увидела, что рядом с печкой в стену вколочен гвоздь, и на гвозде висит толстый, черный от копоти металлический прут, загнутый на конце буквой «Г».

«Кочерга», – вспомнила Эри еще одно книжное слово. Ей можно и дверцу подцеплять, и головешки в печке мешать. И как сразу не сообразила. Эри сняла кочергу с гвоздя, и, гордая своей догадливостью, открыла дверцу. Деловито потыкав в тлеющие головешки, с сожалением закрыла... И вдруг поняла, что согрелась. То ли от волнения, то ли от работ по заготовке дров. А может, в помещении действительно стало теплее.

Эри, уже по-хозяйски, огляделась и увидела в углу комнаты кресло. Широкое, разлапистое, так и манящее присесть. Она поднатужилась, уперлась руками в спинку – и чуть не упала. Кресло, оказывается, было оснащено колесиками, и легко поехало вперед.

Эри прикатила его поближе к печке. Застелила одеялом, уселась. Гораздо удобнее, чем на скамейке... Вытянула уставшие ноги. Скоро почувствовала, как побежало по ступням тепло. Как закололо тысячью иголочек подошвы, как заныли, отогреваясь, пальцы... Свеча, прилепнутая Серым к столу, сгорела наполовину. Эри заставила себя выбраться из кресла, придвинула стол поближе. Горящая свеча успокаивала, дарила уют.

Эри плотнее запахнулась в одеяло. Слушала, как потрескивают за заслонкой горящие ветки, и не думала, кажется, вообще ни о чем – слишком устала. Просто наслаждалась теплом и возможностью отдохнуть, понимая, что это ненадолго. Скоро ей снова придется вставать и подкладывать ветки. Да еще нужно присматривать за чайником. Наверное, это означает снять его с самодельной плитки, когда закипит... Ну что ж, хотя бы тут она уверена, что справится. Да она со всем справится! Она вовсе не такая никчемная, как думают Серый и Мрак, просто пока не привыкла. Все происходит слишком быстро, она не умеет жить в таком сумасшедшем темпе, поэтому адаптироваться с ней трудно.

Пока трудно, поправила себя Эри. Это ненадолго, вот увидите. Она осмотрится, привыкнет к лыжам, и поедет не хуже парней. Отец, когда они встретятся, сможет ею гордиться.

Отец представлялся Эри похожим на Григория Алексеевича – таким же добрым, уютным, умеющим выслушать. Может быть, они даже знакомы – отец ведь наверняка приходил в Бункер. И он знаком с Еленой Викторовной, Вадимом Александровичем. Уж он-то сможет пролить свет на то, для чего понадобилось создавать Эри – вот такую, нелепую!

«Климатические условия на поверхности не годятся для нормального существования таких, как мы с вами, – вспомнила Эри слова Любви Леонидовны. – Сейчас там могут выживать только адапты, пребывание наверху людей с неадаптированными генами смертельно опасно. Когда-нибудь, несомненно, вы или ваши потомки выйдут из Бункера, чтобы нести свет знаний тем, кто предпочел цивилизованному обществу откат в каменный век – но, увы, не сейчас. Сейчас наша задача – сохранение знаний, наработанных предыдущими поколениями. Наверху эти знания востребованы все меньше и меньше, они стремительно забываются. Мы – на сегодняшний день единственный на обозримом пространстве очаг, в котором поддерживается огонь цивилизации. Остальные предпочли более простой и комфортный путь регрессии...»

«Путей много», – буркнул Мрак. И ткнул палкой в снег, показывая на разбегающиеся в разные стороны лыжные следы.

«А выбрать надо один, – добавил Серый. – Пойдешь с нами?» – он обращался к Эри.

Лицо адапта пряталось за капюшоном, Эри его почти не видела. Старалась разглядеть – и никак не могла.

«Пойдем, – продолжал уговаривать ее кто-то в накинутах на голову капюшоне. – Там тепло. Там жарко... Там огонь!» – он сбросил капюшон, и Эри отшатнулась – оказалось, что голова человека объята пламенем.

Человек расхохотался – изо рта вырвались языки огня. Взмахнул руками – ладони вспыхнули. Стало жарко. Нестерпимо жарко...

Эри проснулась и завизжала. На полу полыхал костер из наломанных для печки веток. Пламя охватило ножку стола, на Эри горело одеяло.

Девушка, визжа, сбросила тлеющую накидку – прямо в костер. И тем самым прибила пламя. Обжигаясь, схватила с печки чайник, окатила водой горящую ножку стола. Остатки воды вылила в костер, комнату мгновенно заволокло дымом.

Эри закашлялась, но столкнула с печки еще и кастрюлю – туда же, в пламя. В дыму она задыхалась и почти ничего не видела. Толкнув дверь, выскочила на улицу.

Где взять еще воды?!..

Снег! Ну, конечно.

Эри набрала полные пригоршни и ринулась обратно в дом. Присыпала тлеющие угли. Чадающее одеяло схватила и выволокла на улицу, бросила в сугроб. Снова вернулась с полными пригоршнями снега. Потом сообразила поднять с пола кастрюлю и натолкала снега в нее.

Трижды сбегав с кастрюлей туда-сюда, Эри выдохнула: начинающийся пожар удалось победить. Угли на полу потухли. Но до чего же воняет дымом, кошмар! И эти головешки на полу – что с ними делать?

Подумав, Эри принялась осторожно, чтобы не обжечься, хватать головешки с пола и закидывать в почти догоревшую печку. За этим занятием ее и застал вернувшийся Серый.

– Ты сдурела, что ли?! – он кинулся к Эри. – Чего творишь?!

– Пожар... тушу. – Эри запнулась от неожиданности.

– Зашибись. – Серый остановился.

Замер, рассматривая образовавшееся на полу болото из воды, сажи и грязного снега. Оглядел обгоревшую ножку стола, опрокинутый чайник, откатившуюся в угол кастрюлю. Пнул носком ботинка головешку:

– потушила?

Эри шмыгнула носом.

– Как тебя угораздило?

– Не знаю. Наверное, свеча упала на ветки.

– «Наверное»? А ты где была?

– Здесь. Я задремала. Но я всё потушила, – похвасталась Эри, – видишь?

– Вижу, – кивнул Серый, – что спальник испоганила, и что дышать нечем... Вали на улицу. – Адапт дернул Эри за плечо, поднимая, развернул в сторону выхода. Эри показалось, с трудом удержался от того, чтобы отвесить ей пинка. – Охренеть – хранительница очага! С первого раза не угорела, так решила еще попробовать?

– Извини, – чувствуя, что лицо у нее пылает сильнее, чем во время пожара, выдавила Эри.

– Угу. Вместо спальника в твои извинения завернись. – Серый открыл окно, распахнул ставни. Собрал с пола остатки головешек, покидал в печку. Оглянулся на Эри, рявкнул: – Вали на улицу, кому сказал! Не блевала давно?

Эри, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, вышла.

Когда ложились спать, в доме еще пахло дымом. Серый сказал, что запах теперь долго не выветрится. Но беспокоил их с Мраком не запах, а испорченный Эри спальник мешок.

Адапты заново растопили печку, и скоро в помещении стало тепло. Но такой «шоколад», объяснили Эри, будет далеко не каждый день. Время от времени приходится дневать в палатке, которую ставят прямо на снег. И тут без теплого спальника никак не обойтись – а спальник Эри безнадежно испортила.

– Придется в поселок идти, – сказал Серый. – По-любому ведь собирались этому чучелу снаряги выменять, хоть какой... Как там у них, разведал?

Мрак пожал плечами:

– Да было бы что разведывать. Поселок маленький, дворов двадцать. Вряд ли там лишние спальники отыщутся.

– То есть, дальше двигаем?

– Угу.

– Ну, как скажешь. – Серый зевнул. – Ладно, спать надо. – Он снял со спинки стула куртку, свернул, собираясь положить под голову вместо подушки.

Когда печка протопилась и начала греть, верхнюю одежду – теплые штаны и куртки на синтепоне – адапты сняли. Остались в костюмах из странной ткани странной расцветки, Эри видела их вчера: облегающие штаны и фуфайки с длинным рукавом, с застежкой-липучкой на высоком вороте. Серый с гордостью рассказал, что ткань – самодельная, технологию производства разработал Кирилл два года назад, сразу после того, как освоил синтепон.

Поначалу получалось «не очень», никак не удавалось добиться равной толщины ткани – в одних местах она истончалась до прозрачности, в других непомерно толстела. Так было два года назад, а сейчас производители «насобачились»: ткань получалась ровной и мягкой. Только красить ее пока не научились, костюмы украшали замысловатые разводы. Но это, считал Кирилл, не главное, лишь бы грело.

Разводы на костюмах адаптов меняли цвет от бледно-голубого до темно-синего и выглядели забавно. Но еще забавнее смотрелись буквы, вышитые на правой ягодице: у Серого красное «С», у Мрака «М». Такие же буквы располагались на плечах фуфаек, но там они смотрелись уместно. А вот сзади...

– Это Лара перепутала, – объяснил Серый в ответ на любопытный взгляд Эри. – Не те детали взяла, когда строчила. Ты не думай, это не только у нас! У отца клеймо на жопе, у Сталкера... Да пол-поселка, считай, щеголяет. Она ведь уже нашла, так не выбрасывать же? Хотя ржут, конечно.

Самой Эри достался похожий костюм, в который Лара обрядила девушку еще дома у Серого. Цветом он отличался от мужских, демонстрируя все оттенки охры, а вышитая буква «Д», в отличие от адаптских, находилась где положено – на кармане спереди. Тогда Эри не догадалась спросить у Лары, чей это костюм. А потом, увидев похожие на адаптах, сообразила, что, наверное, Дашин.

Поверх костюмов адапты натянули вытасенные из рюкзаков свитера. На ноги надели что-то вроде коротких сапог из войлока – слово «валенки» Эри тоже узнала еще вчера. Спали парни, не снимая теплой амуниции, и сегодня, судя по всему, от традиций отступать не собирались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.